

К.В. Колчигин

Земля Ольховского

Возвращение

книга 3

Константин Колчигин

**Земля Ольховского.
Возвращение. Книга третья**

«Accent Graphics communications»

2013

Колчигин К. В.

Земля Ольховского. Возвращение. Книга третья /
К. В. Колчигин — «Accent Graphics communications», 2013

Продолжение приключений уже знакомых героев в чужом мире, где кроме давно вымерших на Земле животных можно повстречать неведомых тварей. Задача – выжить и вернуться домой с сокровищами, как и положено героям-путешественникам. Незаменимый руководитель экспедиции сделает всё, чтобы уберечь своих людей от динозавров, дикарей и даже пиратов. Вот только возвращение может оказаться долгим... По-прежнему удивительно легко читается, дружеская атмосфера между героями приятна, а приключения, что так и сыплются, не дают читателю заскучать.

© Колчигин К. В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть первая «Путь к «Страннику»	6
I	6
II	9
III	13
IV	15
V	20
VI	26
VII	30
VIII	34
IX	39
X	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Константин Колчигин

Земля Ольховского.

Возвращение. Книга третья

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая «Путь к «Страннику»

1

Прислонившись плечом к дальней стене маленького (не более метра в ширину, около двух в высоту и трёх в глубину) бокового ответвления основного коридора, я стал вкладывать в пустые магазины ружейные патроны, вынимая их по одному из коробок в подсумке, одновременно стараясь держать ружьё так, чтобы подствольный фонарь продолжал освещать выход в большую пещеру. Снаружи слышалось неприятное сопение, мерзкий писк и отвратительное чавканье – подземные белесые хищники грызли своих собственных собратьев, застреленных мною несколько минут назад. Прислушиваясь к этим звукам и понимая, что этих жутких шестилапых обитателей пещеры отовсюду привлекает теперь ещё и запах крови терзаемых тел, и поэтому не следует задерживаться здесь, я торопливо продолжал снаряжать магазины, чтобы не оказаться безоружным, когда настанет время выйти из этого ненадёжного укрытия.

С четверть часа назад покинув мир, находящийся под светом огромной голубой луны, я углубился в пещеру и беспрепятственно добрался до того места, где прикончил крупное шестилапое чудовище. Здесь в синеватом свете фонаря я увидел, что мелкие белесые создания со всех сторон грызут то, что осталось от застреленного мною хищника – плоть была уже полностью съедена, и теперь в ход пошли начисто обглоданные кости... Почуввав меня, кошмарные подземные создания (в первую очередь те, кому не хватило места у груды костей), сразу забегали по стенам и потолку, выбирая позицию для атаки... Пришлось стрелять... Много... А потом обнаружился короткий тупиковый ход, где я вынужден был задержаться, чтобы наполнить три израсходованных магазина полуавтоматического ружья (четвёртый, который я прикнул уже в этом тупике, был ещё полон). Каждый магазин вмещал восемь патронов, и мне, опустошив коробки, где их оставалось лишь двадцать два, пришлось заимствовать ещё пару из патронташа на поясе. Управившись с этим делом, я помедлил ещё с полминуты: знал, к чему может привести очередная бешеная пальба в пещере, без которой никак теперь не обойтись, а потом сделал два быстрых шага и выскочил из тупика в основной тоннель... Проскочив в две секунды расстояние до противоположной стены, я развернулся и веером, никуда специально не целясь, выпустил в сторону покинутого мною места весь магазин... Грохот выстрелов под каменными сводами в который раз буквально оглушил меня, с потолка пещеры вновь посыпались камни и где-то рядом рухнуло несколько крупных глыб. Пробежав шагов двадцать и на ходу сменив магазин, уже слыша позади себя отвратительный писк, я вновь обернулся и опять выстрелил несколько раз, а потом ещё и ещё, пока затвор вновь не щёлкнул впустую... Следующий магазин я опустошил метров через тридцать пять – сорок, а последний – пробежав ещё почти сотню шагов... Щедро, конечно, но в некоторых ситуациях экономия не вполне уместна. Теперь я уже не слышал и не видел преследователей, правда, и мой слух заметно пострадал от жуткого грохота на ближайшие час-другой, а в узком луче подствольного фонаря трудно было что-нибудь различить кроме сыпавшейся отовсюду мелкой каменной крошки и время от времени падающих более крупных кусков породы. Пройдя быстрым шагом несколько сотен метров и загнав в магазины последние восемнадцать патронов, полностью опустошив патронташ, я остановился и опять прислушался, но кроме звуков всё реже падающих камней разобрать мне ничего не удалось. Следующий раз я остановился уже минут через пять и так же не обнаружил никаких признаков погони. Так, время от времени, останавливаясь, тщательно обводя постепенно тускнеющим (аккумуляторы были не в лучшем состоянии) синеватым лучом стены и потолок пещеры, а также внимательно прислушиваясь, я наконец добрался до лежавшего прямо по середине тоннеля рюкзака с драгоценными камнями. Мне очень не хотелось тащить

его сейчас на плечах, но оставлять здесь было вовсе несусветной глупостью, и я попробовал приподнять его за лямки. Весу в нём оказалось килограммов под семьдесят, а сама конструкция рюкзака была совершенно не рассчитана на такую тяжесть – ткань тут же затрещала, и мне пришлось сменить тактику: я закинул ружьё за плечо, поднял рюкзак двумя руками и оттащил его к ближайшей крупной каменной глыбе. Здесь, поставив его повыше, я осторожно накинул обе лямки на плечи, приподнял груз – рюкзак теперь держал весь свой немалый вес, – и отстегнул второй фонарик от пояса, чтобы освещать себе путь. Теперь идти пришлось медленнее, особенно внимательно выбирая путь – спотыкаться с такой ношей было совершенно недопустимо. Вскоре вдаль появился сначала бледный, но быстро набирающий силу белый свет – до выхода было уже рукой подать, а шестилапые преследователи, похоже, давно оставили меня в покое.

Через несколько минут я подошел к мотолодке, по-прежнему стоявшей на своём месте – на вид всё было в порядке, но после беглого осмотра, уже сбросив свою ношу, я обнаружил, что шины полностью спустили воздух, колёса стоят лишь на ободьях, а палуба и крыша рубки покрылись слоем мелкой каменной крошки... Чувствуя неладное, я торопливо сдвинул бортовое стекло у водительского кресла и взял с сиденья оставленные мною здесь не так давно электронные часы. Глянув на маленький дисплей, я помедлил несколько секунд, словно не доверяя собственным глазам, а потом посмотрел ещё раз более внимательно: часы показывали первый час пополудни начала июня будущего года – того самого времени, в которое я приказал своему заместителю тронуться в обратный путь... Два с лишним часа, проведённых мной в пещере, и полчаса в чужом мире обернулись добрым десятком месяцев здесь...

Постояв несколько минут у борта рубки и чувствуя какую-то пугающую пустоту внутри, я постарался быстро взять себя в руки, чтобы немедленно заняться неотложными делами. Отстегнув от пояса мешавший мне подсумок и убрав ружьё в рубку, я разыскал в одной из бортовых ниш ручной насос мопедного типа и накачал шины обеих колёс. Потом, отвязав капроновый трос от вбитого в дно пещеры зубила, осторожно скатил лодку в воду – это было вполне по силам и одному человеку. Сняв колёса, я сунул их в носовой отсек, не забыв прибрать и крепёж. Тяжелённый рюкзак с изумрудами я убрал в рубку: в багажниках места для него уже не нашлось. Отпихнув лодку от каменистого берега, я вскочил на нос, взялся за вёсла и выгреб на середину маленького залива (от греха подальше). Здесь я решил привести себя в порядок – мой костюм после приключений в пещере выглядел не лучшим образом. В рубке нашёлся и шампунь, и хорошее мыло, а душ-топтун лежал под одним из кресел. Раздевшись, я вымылся с головы до ног, стоя на носовой палубе и время от времени черпая воду прямо из залива (здесь она была слабосолёной) большим пластиковым ведром. Растеревшись мохнатым пляжным полотенцем, я неторопливо оделся (поспешность после того, что я узнал о прошедшем времени, была как-то неуместна) в свежий совершенно новый комплект одежды – рубашку и брюки голубого цвета. Тщательно закрепив на себе весь арсенал – как знать, когда он потребуется вновь, я устроился на кормовом сиденье (крышках моторного отсека) и вынул из лежавшего здесь подсумка термос с кофе. Напиток оказался обжигающе горяч: чему же тут удивляться – для него тоже прошло лишь несколько часов. Пара кружек кофе и немного печенья заметно прибодрили меня, впрочем, не слишком-то подняв настроение. Теперь я понимал, что, может статься, мне в одиночку придётся выбираться из этого мира или пытаться нагнать своих людей в том случае, если они лишь недавно тронулись в путь. Подумав немного (приключений со временными сдвигами мне ещё не доводилось переживать), я привстал, потянулся к левой бортовой нише и взял из неё небольшое (вполовину книги среднего формата) зеркало в пластиковом чехле. С некоторым колебанием (как знать, что ещё за сюрпризы может принести временная аномалия), я глянул в него. Нет, конечно, никаких перемен: всё то же строгое, аскетическое лицо с правильными чертами, гладкой юношеской кожей, едва приметные морщины у ярко-голубых глаз, обрамлённых длинными чёрными изогнутыми ресницами, и густая

седеющая шевелюра. Отложив зеркало, я помедлил несколько минут, потом решительно поднялся, сполоснул кружку за бортом, вместе с термосом сунул её в подсумок и положил на одно из задних сидений в рубке. Приблизив лодку с помощью весел к отвесной каменной стене, я разыскал знакомую трещину и вытащил из неё вторые электронные часы. На этот раз существенной разницы между их показаниями и теми, что оставались в лодке, я не обнаружил.

Мотор пришлось заводить почти четверть часа – двигатель застоялся за прошедшее время, и следовало бы промыть свечи, топливную систему, а также проверить зажигание. Но я был не в настроении заниматься такими делами и предпочёл несколько десятков раз дёрнуть за пусковой шнур – «Вихрь» в конце концов сдался моему упорству и оглушительно взревел на стартовых оборотах в этом тесном заливе с высоченными каменными стенами. Устроившись на водительском сиденье, я дал передний ход, развернул мотолодку и осторожно вывел её через неширокий проход в море. Круто положив штурвал на левый борт, я взял курс на восток и плавно прибавил обороты двигателя.

II

Ярко светил Агни, почти спокойное бирюзовое море плавно покачивало моторку на пологих длинных волнах, и теперь всё произошедшее со мной за последние часы казалось просто плохим сном. Минут через сорок, проводя требуемое инструкцией для двигателя снижение оборотов ниже средних, я даже потянулся к лежавшему на правом заднем сиденье под сумку, вынул из него цифровую камеру и просмотрел сделанные снимки. Картины зловещего пейзажа оказались весьма впечатляющими: помимо жутких великанов-деревьев, вздыбленных корней и какого-то странного огромного слабосветящегося существа под ними, фотоаппарат зафиксировал против света гигантской голубой луны туманное облачко-призрак, вытянувшее длинные дымчатые «руки-щупальца» в мою сторону... Убрав камеру, я вновь плавно прибавил обороты до максимума, и малозагруженная лодка легко разогнала до сорока четырёх – сорока пяти километров в час по показаниям спидометра.

Продолжая держаться на расстоянии сотни метров от берега, я вёл мотолодку более двух часов, а потом, снизив скорость в очередной раз (теперь уже до минимума), оставил на полминуты штурвал, стянул перчатки, дотянулся до термоса с кофе и налил себе очередную кружку всё ещё горячего напитка – до места стоянки «Дредноута» было уже рукой подать, и мне следовало хоть немного успокоиться... Сознательно с большой точностью представив себе картину, как я буду в одиночку выбираться из этого мира: сначала вверх по реке Ледниковой на лодке, потом от холма через пояс льдов на снегоходе к месту склада на берегу моря Бофора, а там (если «Странник» уйдёт без своего хозяина) вновь на надувной лодке по Ледовитому океану, выплеснул в раскрытое правое окно остатки кофе, убрал кружку и натянул перчатки – теперь я был готов к очередному потрясению...

Приближаясь на полном ходу к знакомому проливу среди береговых утёсов, я не увидел надувной лодки с нашими рыбаками – что было не слишком-то обнадеживающим признаком, потому что это время (четвёртый час пополудни) доктор обычно уделял рыбалки. Не снижая скорости, я в секунды миновал неширокий проход (рёв «Вихря» среди близких каменных стен стал вовсе оглушителен) и буквально вылетел в просторный, но мелководный залив. Первое, что я увидел на месте нашей стоянки, был «Дредноут» находившийся теперь уже на воде, против своего прежнего места, на котором он для меня стоял ещё сегодня ранним «утром». К воде подскочил Адмирал, заметался вдоль влажной полосы берегового песка и, кажется (я едва слышал сквозь рёв мотора), радостно залаял. Круто положив штурвал на левый борт, я развернул лодку почти на месте, чтобы погасить инерцию, одновременно сбросив обороты двигателя. На берегу появились Мичман и Полковник, привлечённые лаем Адмирала, а потом показались и фигуры людей. На подходе к берегу, ещё не различая их, я всё время пересчитывал неясные силуэты: четыре, потом шесть и, наконец, через десяток секунд все восемь! У меня отлегло от сердца – я волновался за своих подчинённых, словно за родных людей...

Уже различая широкие счастливые улыбки на бородатых пышущих здоровьем физиономиях, я заглушил мотор и направился на корму, чтобы откинуть его на упор. В это время два мужика (кажется, Василий и Пётр) зашли в воду, ухватили лодку за передние бортовые рымы и подтащили её к самому берегу. Я спрыгнул в воду и, слёгкая отбиваясь от радостно прыгающего и поднимающего вокруг целые тучи брызг Адмирала, направился к своим людям.

– Николай Александрович... – шагнул ко мне вперёд всех мой заместитель и голос его даже дрогнул. – Мы уже и не чаяли...

Он тут же схватил меня в медвежьи объятия, и нас сразу обступили все остальные мужики – каждый старался коснуться меня и похлопать по плечу. А потом они шумно заговорили как-то все разом, и я толком даже не различал голосов и не разбираю слов...

– Тише ты, Иван Ильич! – наконец, едва выговорил я, освобождаясь от его богатырских объятий. – Ты меня прямо как девчонку облапил!

– Так на радостях же, Николай Александрович! – засмеялся Огнев. – Испереживались так – не поверите даже... Три раза под парусом искать ходили... Раз даже километров за триста упорол, а залива того так и не нашли!

Мужики продолжали тесниться вокруг и снова заговорили все разом, Володя, тот вовсе чуть не бросился мне на шею – благо не подступился – сквозь наших здоровяков было никак не протолкнуться. Потом я увидел Наташу, стоявшую позади всех, и её спокойную отчуждённую улыбку. На ней была голубая юбка, рубашка в тон и всё те же высокие сапожки, сшитые всем нашим коллективом. Роскошные рыжеватые волосы раздувал лёгкий ветерок – девчонка выглядела, как и прежде, свеженькой и ухоженной, просто смотрела на меня теперь уже совсем не так – холодно и равнодушно... Мне подумалось в это мгновение, что большинству мужчин очень непросто было бы вынести такую метаморфозу, когда горячая страстная любовь спустя считанные часы превращается в полное равнодушие – даже у меня, человека, прошедшего через все ужасы жизни, знавшего самые подлые предательства, и готового, кажется, уже ко всему в этом мире, словно у мальчишки зануло сердце...

Всей гурьбой мы прошли к «Дредноуту», стоявшему на мелководье, поднялись по сходням и буквально ввалились в «кубрик», где теперь стало тесновато: всюду были расставлены небольшие пластиковые мешки и грубо сделанные корзины из сухого тростника – пока ещё пустые, но, как я сразу подумал, должны были в скором времени наполниться свежими овощами (для дальней дороги). Ногой придвинув к столу скамейку, я присел и глянул на своих подчинённых, всё ещё толпившихся у входа.

– Садитесь же! – с усталой улыбкой кивнул я на скамейки вокруг стола. – Устроим внеплановое собрание! Расскажите, что тут у вас творится без хорошего присмотра.

– Да всё вроде бы нормально, Николай Александрович! – чуть виновато проговорил мой заместитель, сядя напротив. – Мужики, как видите, все здоровы, а красавица ваша, даже ещё больше похорошела...

– Признавайся сразу: балласта много набрал? – строго спросил я, оглядывая повсюду лежащие пластиковые мешки.

– Да с тем, что было всего лишь тонн семь с небольшим наберётся... – ещё более виновато ответил Огнев. – Такой-то запас ведь не может быть в тягость...

– Ладно... – дипломатично проговорил я, решив не высказываться на эту тему, и, найдя глазами Володю, попросил его сходить к моторке за цифровой фотокамерой, а потом вновь обратился к своему заместителю. – Как с припасами?

– Продуктов ещё изрядно! – широко улыбнулся Огнев, очень довольный, что вопрос о семи с лишним тоннах золота с повестки собрания, похоже, снят. – Тут у нас Наталья Андреевна командовала... Так мы всё больше овощами и мясом-рыбой питались. По пирогам вашим вот только сильно затосковали.

– Будут сегодня пироги! – отозвался я и, опять оглядев всех своих людей, добавил. – Мне много пострелять пришлось... Как с патронами?

– Десятка по три на ствол, я думаю, наберётся! – сразу ответил мой заместитель. – Старались – сэкономили...

– Добро! – устало проговорил я (сумасшедший день и бессонница накануне давали о себе знать). – Завтра собираем урожай – тару, как я вижу, для него успели подготовить... После завтра снимаемся ещё до обеда и в обратный путь! Через две недели мы должны быть на борту «Странника», а ещё через неделю, я полагаю, вы все увидите свои семьи.

Лица мужиков тут же посветлели, и они заулыбались, пожалуй, ещё более радостно, чем несколько минут назад на берегу: похоже, что им изрядно надоел чужой мир, и они сильно заскучали (что было вполне естественно после года разлуки) по близким людям. Вернулся

Володя, и по его озадаченному лицу я понял, что он успел по дороге просмотреть немногочисленные снимки. Первым камеру взял мой заместитель, разглядывая пейзаж чужого мира и его монстров (на обратном пути в пещере я успел сделать снимок шестилапых созданий, грызущих остатки туши своего собрата более крупной разновидности, перед тем, как начать пальбу) только качал головой, а затем передал фотоаппарат Наташе, которая с неменьшим вниманием долго рассматривала снимки. Когда камера перешла в руки доктора, Огнев, задумчиво поглаживая бороду (это у него уже вошло в привычку, и мне, пожалуй, стоило подумать над тем, чтобы разрешить им всем носить бороды и на борту яхты), обратился ко мне:

– Вот бы нам где побывать-то, Николай Александрович! Лучшей цели для следующей экспедиции и не найти!

– Это очень сложная задача, Иван Ильич, – отозвался я, глянув на своего заместителя (обойдя взглядом Наташу). – Провести экспедицию через два мира в третий... А местных монстров ты хорошо разглядел? Белесые шестилапые твари, с которыми я воевал в пещере, ещё пустяки – я их хорошо видел и слышал; чудище, что ворочалось под корнями, было ещё более шумным, а вот этого белого призрака в свете голубой луны я увидел лишь на снимке!

– Думается мне, Николай Александрович, вы бы легко решили и эту задачу! – заметил Огнев, внимательно посмотрев на Наташу – от его крепкого мужицкого ума, конечно, не укрылось, что девчонка вела себя по отношению ко мне совершенно иначе... – Как вы думаете: может всё же нам стоит заглянуть туда и как следует осмотреться? Ну, потеряем ещё денька три-четыре...

– Нет, Иван Ильич! – покачал я головой. – Хорошо, что мне удалось выбраться оттуда живым и невредимым, израсходовав лишь восемь ружейных магазинов, а из вас там никому даже и думать не следует показываться!

– Как скажете, Николай Александрович! – кивнул мой заместитель, а потом хитро улыбнулся. – Есть у меня одна задумка на счёт нашей с вами следующей экспедиции... Но, думаю, лучше уж на судне это будет обсудить!

– Согласен с тобой, Иван Ильич! – ещё более устало отозвался я, поднимаясь из-за стола. – Не забывай также, что вся наша команда теперь разбогатеет, и их уже не заманишь высоким жалованием. Так что в следующий поход нам с тобой придётся подбирать новый состав!

Потом я на пару с Огневым осмотрел склад продуктов: муки оставалось ещё килограммов двадцать, было по десятку килограммов круп, сухого молока и яичного порошка, бутылок пятнадцать (литровых) растительного масла, по пол-ящика молочных и овощных консервов, а также некоторое количество сахара, соли, приправ и другой мелочи.

В целом же – всего вполне достаточно с учётом охоты, рыбалки и большого количества свежих овощей, чтобы обеспечить полноценным питанием весь наш коллектив до самого склада в холме.

– Наталья Андреевна-то, как я заметил, встретила вас очень даже прохладно, – вполголоса заметил мой заместитель. – Но вы уж, Николай Александрович, сами не переживайте и на девчонку не обижайтесь: она тут, почитай, полгода изводилась – мы и делать-то не знали что с этим – лишь недавно как-то успокоилась... Простит – не на гулянке же вы были! Да и куда нормальной девчонке деться от такого мужика!

– Не знаю, Иван Ильич! – даже вздохнул я. – Может быть оно и к лучшему...

– Нет, Николай Александрович! – решительно возразил Огнев. – Слишком уж это серьёзно: что у вас, что у неё... Сколько лет живу: никогда такого не видел – в кино разве что. Заупрямитесь – и ей и себе жизнь испортите!

Мы вернулись в «кубрик», и я, распорядившись прокрутить на фарш свежekoпченных осетров (разделанных на крупные куски) – этим занялся доктор, поставил полведра дрожже-

вого теста. Помогать, как и прежде, мне взялись Володя и Наташа – все остальные отправились на огород, за исключением Петра, дежурившего по лагерю.

– Как у тебя дела с рыбалкой, Олег Сергеевич? – спросил я доктора, который привычно прикручивал мясорубку к крайней плахе стола. – Что-нибудь необычное попадалось?

– Как же, Николай Александрович! – охотно заговорил врач, спеша поделиться неординарными событиями. – Сегодня вот только четырёхметрового осетра взял. Не поверите: тащил нас, как хороший буксир добрых два часа почти до северного берега, а потом обратно и даже ещё быстрее! А дня три назад страшно даже сказать...

Опять присев к столу, в ожидании, когда подойдёт тесто и приготовят фарш для будущих пирогов, я терпеливо слушал рассказы нашего главного рыбака, в нужных местах кивая головой и иногда сдержанно улыбаясь, если этого требовала очередная тема... Наташа тем временем расстелила на столе пищевую полиэтиленовую плёнку, посыпала её мукой, положила нож для теста и ложку для распределения начинки. А меня опять потянуло в сон, но пришлось держаться и не подавать виду, чтобы не обидеть Козырева, очень довольного тем, что нашёл такого внимательного слушателя... Тесто, впрочем, скоро подошло, а в первую партию фарша добавили соли, приправ и растительного масла, так что я взялся за лепку пирожков, а наш юнга поставил на огонь сразу все четыре сковороды. Дело пошло у меня, как обычно, очень быстро, и Наташа даже не успевала раскладывать фарш (мы с ней так и не обменялись ни единым словом), так что в полчаса я заполнил изделиями весь стол и пару кухонных досок впридачу... Володя начал жарить их на всех сковородках, а сестра только и успевала теперь ему их подавать... Пока они были заняты этим делом, я отмыл руки от теста, сходил к моторной лодке и перенёс в свою «каюту» ружья вместе с тяжеленным рюкзаком, полным драгоценных камней. В моём помещении было всё, как и прежде, на своих местах, но для сна я всё же захватил со «склада» пару герметичных упаковок с махровыми покрывалами – те, что находились на моей лежанке, после стольких месяцев моего отсутствия, нуждались в хорошей стирке. Вернувшись в «кубрик», я сразу занялся салатом – на запах готовых пирожков уже начали собираться мои люди, а минут через двадцать мы сели за стол, и я незамедлительно рассказал всем о своей необычной находке.

– Это может стоить всего нашего золота! – заметил Огнев, отставив тарелку из-под салата и потянувшись за пирожком.

– Скорее всего, не более трети, – ответил я, в задумчивости глядя на то, как с обычной быстротой исчезают мои изделия (напекли более двух вёдер). – Оценка камней и их сбыт дело очень непростое... Благо их доставка на судно не так обременительна, как перевозка семи тонн золота...

– Я уверен, Николай Александрович, что у вас на этот счёт уже имеется готовый план! – заявил Огнев, подвигая себе поближе один из четырех котлов с пирогами, и, не удержавшись, добавил. – Хороши, чёрт бы их побрал!

– Верно, Иван Ильич, план имеется, правда, непростой... – поднимаясь из-за стола, проговорил я. – Пойду-ка я отдыхать, мужики – устал ужасно! А охотников попрошу завтра свежего мяса добыть – сделаю вам очередной сюрприз.

– Кулинарный сюрприз – это хорошо! – заметил доктор. – А как насчёт ваших кондитерских изделий, Николай Александрович?

– Сделаю! – отозвался я уже с порога. – Если молодёжь поможет...

– Куда же мы денемся, Николай Александрович! – за себя и за сестру поспешил ответить наш юнга.

В своей «каюте», я присел на лежанку, прислонился спиной к мягкой коре пробкового дерева и закрыл глаза. Отдохнув так с четверть часа (не было сил даже на обычные гигиенические процедуры), я поднялся и стал готовиться ко сну.

III

Поднялся я не слишком рано – устроил себе внеочередную малую тренировку, чтобы полностью восстановить силы после недосыпаний и потрясений предыдущего дня. Управившись со своими занятиями, я взял в своей «каюте» очки для подводного плавания и привычно – осторожно спустился с борта нашего плавучего дома, решив тщательно осмотреть его днище перед обратным плаванием через море. Здесь было мелко – расстояние между бревнами плота и песчаным дном везде не превышало полуметра, но, тем не менее, мне удалось хорошо осмотреть стыки брёвен и стяжки из плах. Состоянием подводной части платформы я остался доволен – пробковому дереву ничуть не повредила длительная стоянка на суше. С обычной для себя лёгкостью взобравшись на кормовую площадку, я едва не столкнулся с Наташей, вышедшей сюда буквально за секунду до меня. Девчонка была лишь в голубом купальнике, и я, вновь обойдя её взглядом (получалось это у меня всегда ненамеренно – обидно, и тот, кто впоследствии восстанавливал со мной дружеские отношения, в дальнейшем избегал попадать «в немилость»), лишь кивнул и хотел пройти мимо.

– Николай Александрович! – негромко окликнула меня она, и я задержался на мгновение, впрочем, так и не повернув головы. – Можно мне искупаться?

– Конечно, – ровно ответил я, подумав, что в моё отсутствие она прекрасно обходилась и без разрешений, но, тем не менее, задав этот вопрос девчонка поступила совершенно правильно.

Пытаться продолжить разговор я не стал – сразу прошёл в своё помещение, где принялся приводить себя в порядок. Через четверть часа я появился в кубрике – здесь сейчас был лишь Володя, ожидавший моих распоряжений на счёт обеда. Пока он разжигал деревянные примусы, я развёл тёплой кипячёной водой яичный порошок, добавив в него сухого молока, соли и немного овощной приправы – для омлета, а потом принялся готовить салат. В это время подошли наши охотники – услышав голоса Василия и своего заместителя, я выглянул наружу. У самых сходен они сбросили свой трофей – молодого игуанодона весом под сотню килограммов – многовато для задуманного мной блюда, тем более, что за копчением основных частей туши посматривать будет пока некому... Огнев и Василий принялись освежевать тушу, а я с помощью подошедшей Наташи принялся накрывать на стол.

– Иван Ильич! – обратился я к своему заместителю, когда мы все уже сели обедать. – Перед тем, как грузить овощи, распорядись о перераспределении нашего ценного груза по всему плоту – иначе мы будем зарываться носом в волны!

– Сделаем, Николай Александрович! – кивнул Огнев. – Я как-то сразу и не подумал об этом!

Мы обсудили ещё некоторые хозяйственные дела и подготовку к предстоящему плаванью, а когда обед подходил к концу, и мои люди стали по одному подниматься из-за стола, собираясь идти на сбор овощей, я попросил остаться доктора, чтобы он занялся нарезкой мяса. Едва убрав посуду, я принялся готовить ужин – задуманное мною блюдо (как, впрочем, и торт) должно было «дозреть» несколько часов. Для начала наш юнга по моему распоряжению поставил на огонь два ведёрных котла, в которые я через несколько минут добавил растительного масла, мелко нарезанное мясо, крупно тёртую морковь, репчатый лук и немного сухих овощных приправ. Присматривать за этим я поставил Володю, поручив ему также разжечь огонь ещё и для двух больших сковородок, предназначенных для выпекания сдобных сочней. Песочное тесто для будущего торта я замесил сам, а взбивание крема из сгущённого молока, сухого масла и сухого молока, поручил Наташе. Раскатав сочни, я стал выкладывать их на разогретые сухие сковороды, а переворачивать заготовки взялся уже наш юнга. Выпеченные таким способом коржи, конечно, заметно уступали тем, что готовятся в духовом шкафу, но выбора

в этих условиях у меня не было. Доктор, по моему распоряжению, продолжил нарезку мяса, но теперь уже крупными кусками – для коптилен. Тем временем содержимое котлов зарумянилось, и я добавил в каждый из них хорошую порцию риса и залил водой – теперь готовящееся блюдо уже не требовало особого внимания, и следовало лишь поддерживать умеренный огонь, поэтому я поручил Володе присматривать ещё и за коптильнями, тем более что сочни пеклись очень быстро и подходили к концу. Промазывать заготовки для будущих двух тортов взялась Наташа, и я, немного проследив за этим, оставил кухонные дела, прошёл на склад, откуда через несколько минут вытащил тяжёлый «Вихрь» с грузовым редуктором. Установив мотор на мощную кормовую плаху, служащую нам транцем, я промыл топливной смесью всю систему питания, свечи зажигания и сменил масло в редукторе. Выполнив всё действия, связанные с техническим обслуживанием мотора, я провёл пробный запуск и остался доволен – «Вихрь» завёлся с третьей попытки.

Когда я вернулся в кубрик, рис уже сварился, и я сам убрал с огня оба котла с получившимся пловом, а потом водрузил их на стол – это блюдо становится ещё вкуснее, когда немного постоит. Наташа продолжала украшать кусочками дынь (они прекрасно росли здесь) оба торта, и я, проверив, как идут дела с копчением мяса, отправился в свою каюту, где уже до самого ужина занимался чисткой оружия, а потом и проутюживанием выстиранной накануне одежды. Ужин прошёл с большим воодушевлением – новое блюдо понравилось всем без исключения, и я даже засомневался хватит ли почти двух ведёр его, потому что добавки просили и по второму, и по третьему разу, забыв на время о двух тортах.

– Никогда бы не подумал, что рис может быть так хорош! – заметил доктор, раздумывая, похоже, не положить ли себе ещё порцию уже в четвёртый раз.

– О сладком не забывайте! – посоветовал я, ограничиваясь вовсе половиной порции, и чуть задумчиво проговорил. – Кто бы мне прежде сказал, что я буду когда-нибудь готовить плов из динозавра...

Когда мои подчинённые наконец закусили как следует (не оставив ни ложки плова, ни кусочка торта), я сделал несколько распоряжений относительно последних приготовлений к отплытию: набрать пресной воды на сутки вперёд, дров на трёхкратное приготовление пищи, а также возможно тщательнее осмотреть место стоянки, чтобы не оставить на берегу что-нибудь из инструментов или других необходимых вещей – пока любую потерю восполнить нам будет негде... На переезд через море и достижение устья реки Ледяной я выделил около пятнадцати часов, если, конечно, нас не задержит гроза или сильный встречный ветер, и рекомендовал всем хорошо подготовиться к этому вынужденному заточению – могло статься, что при особо неблагоприятных условиях мы проболтаемся в море значительно дольше.

IV

Поднявшись в два часа «ночи» (по своему хронометру), я управился с большой тренировкой к десяти (мой тренажёрный комплекс сразу убрали Петр с Василием и уложили его на крышу плавучего дома), а в половине одиннадцатого, лично проверив все сделанные запасы и внимательно осмотрев покидаемый нами участок земли, дал сигнал к отправлению. Мужики длинными шестами с большим трудом вытолкнули «Дредноут» на более глубокое место, и я запустил мотор, тут же поручив управление Петру – мне нужно было идти на наш «камбуз» организовывать обед. Однако, я задержался ещё на несколько минут, чтобы точно определить требуемое положение ручки газа – обороты двигателя не должны были превышать двух с половиной тысяч в минуту, чтобы ограничить расход топлива семью-восемью литрами в час, а плот в любом случае не обогнал бы и среднего пешехода... «Дредноут» очень неохотно тронулся с места – прошло почти полминуты после включения переднего хода, и ещё минуты три он медленно набирал ход в пять-шесть километров в час. Мотолодку мы, как и прежде, взяли на буксир, а надувную лодку (которую доктор использовал для рыбалки) я велел не разбирать и временно привязать на крыше кормового навеса – на всякий случай. Пройдя в «кубрик», где, как и на нашем «складе», было не повернуться из-за многочисленных корзин с овощами, не говоря уже о мешках с «золотым запасом», я распорядился накрывать на стол: пшенная каша, приправленная кусочками дыни, уже подошла, а Наташа успела приготовить салат.

– Как на счёт котлет из кальмара к ужину, Николай Александрович? – спросил доктор, едва мы успели сесть за стол. – Пока есть возможность...

– А ты у меня стал гурманом, Олег Сергеевич! – заметил я и улыбнулся. – Чистить-то поможешь?

– Обязательно! – кивнул Козырев, подвигая к себе тарелку с кашей. – Я тут и в ваше отсутствие, всё на рыбалке да при кухне... Наталья Андреевна постоянно запрягала...

– Не мешало бы и осетринки напоследок! – вставил мой заместитель, жестом прося Володю добавить ему каши – мои блюда пользовались неизменным успехом.

– В реку войдём – там и рыба-то другая уже будет!

– Сделаем! – охотно согласился доктор. – Здесь, как однажды заметил наш уважаемый Николай Александрович, всё равно что в магазине...

Застольные разговоры продолжались и дальше – спешить людям сейчас было некуда, а я, не дожидаясь чая, поднялся и вышел на корму – мне хотелось напоследок взглянуть на южный берег, который теперь уже никогда не доведётся увидеть вновь. Облокотившись о весьма основательно сделанные перила вблизи кормы по левому борту, я глубоко задумался о проведённом мною времени в мире вечного оранжевого светила. А ещё мне очень хотелось повидать своих близких, хотя я и понимал, что теперь всё равно не смогу долго усидеть на одном месте и скоро начну обдумывать очередную экспедицию, тем более что и средств на неё будет, похоже, более чем достаточно...

Петр отправился обедать и на румпеле его сменил наш юнга, сразу сверив направление по ручному компасу, переданному ему мужиком.

– Николай Александрович! – окликнул меня парнишка, и я кивнул ему.

– Можно вопрос?

Мне совершенно не хотелось говорить с кем либо, но я не подал и виду, а лишь кивнул ещё раз. Мотор на оборотах немного ниже средних шумел очень умеренно, и можно было почти не повышать голоса, но Володя, тем не менее, продолжал говорить довольно громко.

– Николай Александрович... – несколько неуверенно начал он, а потом, похоже, решившись, продолжил. – Если у вас с Натой не наладится – это не будет означать, что я не смогу устроиться юнгой на вашу яхту?

– Мы же мужчины, Володя! – невольно улыбнулся я и заметил, что в центральном проходе, перед самым выходом на кормовую платформу остановилась Наташа. – И на наши решения не должны влиять симпатии или антипатии девчонок!

– Значит, я смогу остаться на судне? – сразу оживился парнишка.

– Конечно! – продолжая улыбаться, подтвердил я. – Сразу по возвращению на «Странник» мы с тобой подпишем контракт.

– Николай Александрович! – обратилась ко мне теперь уже Наташа. – Вы бы не хотели выпить кофе? Со мной...

– Не откажусь, – ровно отозвался я. – Приготовите?

– Уже всё готово! – без тени улыбки и как-то излишне серьёзно сказала девушка. – На столике в моей «каюте»... Пойдёмте!

Заметив довольную усмешку Володи, я даже вздохнул и покачал головой, но тем не менее, прошел следом за девчонкой до двери её помещения и задержался на пороге – здесь всё, как и прежде (включая пол), было выстлано оленьими шкурами, а столик со скамейкой даже обтянуты блестящей рыбьей кожей.

– Заходите и присаживайтесь, Николай Александрович! – проговорила Наташа, устраиваясь на своей высокой лежанке (её надувная кровать была вдвое толще моей). – И не смотрите так выразительно, пожалуйста, на ваши сапоги – у вас даже подошвы обуви всегда сверкают чистотой!

Я шагнул внутрь и присел на скамейку у стола, прямо напротив своей помощницы. Здесь было тесно, и наши колени соприкоснулись. Впервые за последние два дня внимательно и открыто взглянув на девушку (она была в той же короткой бежевого цвета юбке и белой блузке, что во время нашей последней прогулки), я отметил, что она, похоже, чуточку поправилась и ещё больше похорошела... Встретив мой взгляд, она помедлила несколько секунд, а потом опустила глаза и принялась разливать из маленького котелка, стоявшего на столике, кофе в отмытые до блеска кружки из нержавеющей стали.

– После вашего возвращения, Николай Александрович, вы просто перестали замечать меня! – негромко сказала она, с шелестом распечатывая герметичную упаковку печенья.

– Отчего же... – чуть улыбнулся я. – Вот смотрю очень даже внимательно и люблюсь...

– Вы, наверное, полагаете, что я буду высказываться по поводу вашего отсутствия «на несколько дней» – как говорилось в записке – продлившегося десять месяцев? – тихо спросила моя собеседница, глядя в сторону.

– Ничуть! – задумчиво проговорил я, взяв свою кружку. – Если судить по вашему явному равнодушию к моему появлению, вернее будет думать, что вы избавились от своего увлечения и теперь хотите поделиться этой новостью.

– Вам бы этого хотелось, Николай Александрович? – так же тихо задала очередной вопрос девушка, поднимая на меня свои чистые глаза.

– Мы с вами сейчас находимся в совершенно неравных условиях для серьёзной беседы! – заметил я, продолжая пристально смотреть на собеседницу (она опять отвела взгляд). – Для меня не прошло и трёх дней, как я целовал ваши ручки и ножки, а потом проявил не слишком уместное откровение...

– Тогда следует немедленно освежить мои впечатления! – неожиданно мило улыбнулась девчонка, и её щёки заметно порозовели. – Вы не против?

Ответить на полусерьёзный-полушаловливый вопрос я не успел – от сильнейшего удара снизу наш плавучий дом подскочил и заходил ходуном, а моя собеседница вскрикнула и выплеснула горячий кофе себе на колени. Быстро поставив кружку на стол (мой кофе не расплескался, потому что я реагировал на стрессовые ситуации совсем иначе), я схватил висевшее на вбитом в стену колышке розовое махровое полотенце и быстро приложил его к коленям девушки.

– Больно? – с невольным волнением в голосе спросил я.

– Немножко, – улыбнулась она. – Кофе успел уже чуточку остыть...

– А так? – убрав полотенце и наклонившись, я несколько раз совершенно произвольно коснулся губами гладких девичьих колен.

– Совсем прошло! – последовал немедленный ответ, и по голосу я понял, что девчонка улыбается. – Но можно продолжить...

Очередной мощный удар вновь приподнял «Дредноут», и где-то под платформой раздался громкий треск. Смолк двигатель, и я, услышав крики своих людей, вскочил и метнулся на корму. Мотор был откинут, но внешне цел, а наш испуганный юнга прижался к задней стенке нашего плавучего дома и при моём появлении указал на огромный чёрный плавник треугольной формы, стремительно рассекающий гладкую поверхность моря (стоял почти полный штиль) чуть в стороне от «Дредноута», под которым угадывалось мощное обтекаемое тело.

– Что это, Николай Александрович? – вскричал мой заместитель, выскочивший на кормовую платформу следом за мной.

– Ихтиозавр, чёрт бы его побрал! – в сердцах высказался я и оглянулся на Володю. – Заводи мотор, юнга!

– Очень опасен? – спросил Огнев, с беспокойством следя за огромным ящером, делавшим очередной круг.

– Конечно, опасен... – отозвался я и посмотрел на появившуюся в кормовом дверном проёме Наташу – мне вдруг подумалось, что моё предчувствие было связано совсем не с отношением девчонки ко мне, а со смертельной опасностью для неё самой. – Но вряд ли мы его не интересуем – просто какая-то крупная рыба вздумала прятаться от него под плотом...

Володя опустил мотор, который от толчка откинулся на упор, в рабочее положение и дёрнул за пусковой шнур, но недостаточно сильно – горячий двигатель даже не дал вспышки. Слегка отстранив парнишку, я взялся за дело сам, и «Вихрь» взревел после первого же моего рывка. Вода забурилась вокруг дейдвуда, но плот не тронулся с места, и пришлось ждать почти минуту, пока «Дредноут» кое-как набрал скорость узла в полтора – против прежних трёх с лишним... Помедлив немного, я выключил двигатель, глянул на собравшихся на корме почти всех своих людей (кто-то был уже на задней платформе, а кто-то стоял в бортовых проходах), а потом окинул взглядом спокойную бирюзовую поверхность моря – огромного ихтиозавра пока не было видно.

– Мне придётся нырнуть! – вслух высказал я своё решение. – И глянуть, что там натворил этот монстр!

– Может, кто из нас, Николай Александрович? – как-то не слишком уверенно предложил мой заместитель. – Стоит ли вам опять так рисковать?

– В сравнении со мной никто из вас толком и плавать не умеет! – хмуро проговорил я. – Приготовь выдергу, Иван Ильич! Скорее всего, у нас оторваны одна или две поперечные плахи – они и тормозят плот!

– А вдруг это чудовище вернётся? – с беспокойством спросила Наташа. – Вы можете не успеть выбраться!

– Обещаю вам, что не позволю сожрать себя никакому монстру! – усмехнулся я, направляясь в свою «каюту».

Нечего и говорить, что нырять под плот в таких условиях было делом чрезвычайно опасным – его тень привлекала внимание всех подводных обитателей: одни пытались скрыться под ним, а другие выбирали себе добычу... Но идти оставшиеся шестьдесят с лишним километров полутораузловым ходом было также не самым лучшим решением – рано или поздно должна была начаться очередная тропическая гроза, и ослабленная теперь платформа могла не выдержать сильного волнения... Готовясь к необходимому купанию, я услышал, как негромко переговаривались мои подчинённые.

– Настоящий мужик наш начальник! – вполголоса пробасил Василий. – За все опасные дела только сам и берётся!

– Я это ещё, когда мы на снегоходах в гору лезли, заметил! – заявил чуть погромче Пётр.

– Да не ты один! – хмуро сказал обычно молчаливый Сергей. – Без него мы и до холма в тундре бы не добрались!

– А ведь как организовал-то всё! – подал голос и Александр. – Живем, точно сыр в масле катаемся!

Через несколько минут я вновь вышел на кормовую платформу уже лишь в голубых плавках, с подводным ножом на специальном поясе и плавательными очками в руках.

– Когда закончу – сразу подавайте мне руки! – сказал я, садясь на край плотa и надевая очки. – Может статься, что карабкаться будет некогда...

Прыгать в воду я не стал, а вместо этого тихо соскользнул с платформы и сразу нырнул под наш плавучий дом. После яркого света оранжевого Агни тень под платформой показалась мне особенно густой, и я лишь через несколько секунд разглядел, успев вспугнуть стайку мелкой рыбёшки, что центральная стяжка, представляющая собой мощную толстенную плаху сантиметров восьмидесяти шириной, сломана посередине, оторвана от брёвен днища, а державшиеся теперь лишь на крайних восьмидюймовых гвоздях половинки отогнуты вниз и поперёк хода. Вынырнув у края плотa, там, где собрались теперь все мои люди, я сделал несколько глубоких вдохов, взял поданную мне выдергу и вновь погрузился в воду. Первую половину я оторвал сравнительно легко – она и без того едва держалась на вывороченных из бревен гвоздях. Вытолкнув обломок из-под платформы (его тут же подняли наверх по распоряжению Огнева – он вполне ещё мог пригодиться), я подышал с минуту, а потом сделал очередной нырок. Со вторым куском пришлось повозиться почти минуту – предельное время, которое я мог находиться под водой – но и он скоро поддался моим усилиям. Толкнув его на поверхность воды из-под крайнего бревна, я заметил странный расплывчатый силуэт, поднимавшийся снизу прямо ко мне, и заторопился наверх. Едва моя голова показалась над водой, как ко мне сразу потянулось множество рук, я подал свои и почувствовал, что что-то холодное и скользкое обвивает мою правую лодыжку... Три или четыре пары сильных рук наших мужиков легко вытянули меня на платформу, и я, увидев, что мою ступню обвило пятнистое щупальце толщиной в руку со множеством белых присосок, выхватил нож и без колебаний отсек его – обрезок сразу отвалился от моей ноги и извиваясь упал на палубный настил (Пётр тут же пинком сбросил его в воду). Распорядившись завести мотор и идти прежним курсом, я отправился в душевую кабинку, установленную по правому борту кормовой площадки – вода в морях этого мира была не особенно солёная, но я всё же предпочитал принимать после купания в ней пресный душ. Пока я занимался собой, а потом ещё вытирался и одевался в «каюте», мои люди запустили мотор и «Дредноут» быстро набрал прежний, примерно трех с половиной узловой ход. Когда расчёсывал массажной щёткой влажную шевелюру, в дверную заслонку раздался стук, и я отодвинул неуклюжую створку. В тесное помещение вошла моя помощница и сразу привычно устроилась на моей лежанке.

– А вы опять заставили меня поволноваться, Николай Александрович! – с очередной милой улыбкой проговорила она и тут же глубоко вздохнула. – В ваше отсутствие я успела забыть, какой вы отчаянный сорви-голова – Общались со мной заочно? – спросил я, кладя щётку на полку и выдвигая из под столика скамейку.

– Вы догадались... – покачала головой моя собеседница.

– Это удел всех влюбленных, – отозвался я, присаживаясь на скамейку. – Если я, конечно, не заблуждаюсь на ваш счёт...

– Я знаю вас уже почти год, Николай Александрович! – легко рассмеялась Наташа. – Правда, с некоторым перерывом... Поэтому теперь я не влюблённая, а горячо любящая дев-

чонка... Может быть, мне приготовить ещё кофе? Мой частью оказался на коленях, а частью – на полу, да и вы не успели выпить свой...

– Займитесь, Наташа... – в раздумье отозвался я. – А мне, пожалуй, следует обновить ваш гардероб...

– Я как раз хотела просить вас об этом! – тут же подхватила моя собеседница. – Скоро станет прохладно и мне нужны будут брюки, даже двое... И, конечно...

– Вот с «конечно» мы и начнём! – улыбнулся я. – А брючки вам сошьём, когда будем двигаться вверх по реке.

Пока моя помощница отсутствовала, я взял с полки большой пластиковый пакет, где лежали рулоны с лёгкой хлопчатобумажной тканью и портативную швейную машинку, которой следовало поспешить воспользоваться, пока была дармовая энергия от работающего мотора. Раскрыв ежедневник, я нашёл страницу со своими схемами и отмеченными размерами (взяв небольшую поправку), а потом занялся раскройкой ткани. Наташа отсутствовала почти час, а когда появилась с дощечкой в руках, заменяющей нам поднос, на которой опять стояли две кружки и маленький котелок, прикрытый крышкой, сообщила, что доктор поймал трёх крупных кальмаров, и ей пришлось распорядиться о их чистке и разделке.

– Вы неплохо командуете моими людьми... – чуть рассеяно заметил я, не поднимая головы. – По крайней мере, повинуются вам они очень охотно!

– Я же их будущая хозяйка! – весело рассмеялась моя собеседница. – Во всяком случае, они все в этом уверены! Осталось убедить лишь вас. Так мы пьём кофе, Николай Александрович?

Невольно вздохнув (тем касающихся нового супружества я старался избегать), я кивнул, сдвинул раскрытую ткань с края стола и взял из рук Наташи кружку с горячим напитком. Помолчав несколько минут, я, стараясь не нагонять страха, поделился с девушкой своей тревогой за неё (упомянув, что прежде неверно истолковал своё предчувствие), попросив быть, как можно более внимательной и осторожной, а также держаться поближе ко мне...

– В последнем можете даже не сомневаться, Николай Александрович! – опять засмеялась моя помощница и с лёгкой, чуть шаловливой улыбкой добавила.

– Даже на шаг не отойду! Плохо только, что ночью я остаюсь без присмотра!

Выпив кофе, я продолжил своё занятие, а Наташа прилегла, как делала раньше, на мой топчан и, наблюдая за мной, очень скоро задремала под тихий стрёкот швейной машинки, негромкое гудение мотора на корме и плавное покачивание нашего плавучего дома на пологой волне.

V

Проведя за столом часа три (за это время я раза три-четыре очень тихо поднимался со скамейки и выходил на корму, чтобы немного размяться и глянуть на обстановку вокруг), я решил сделать перерыв и, не тревожа свою спящую помощницу, отправился в кубрик, собираясь заняться организацией ужина. Кальмаров успели почистить, сварить половину всего объёма и даже пропустить через мясорубку – мне осталось лишь добавить в фарш всё необходимое и сформировать котлеты, слегка обваляв их в муке. Жарить взялся Володя, а я, распорядившись также поставить воду для картофельного пюре (сухого порошка в герметичных упаковках оставалось ещё изрядно), взялся за приготовление салата из свежих овощей. В это время появилась Наташа, шепнула мне, что ей хорошо спиться только в моём присутствии и принялась помогать нарезать овощи.

– Как бы нам, Николай Александрович, такое блюдо и на судне готовить... – заговорил доктор, который в ожидании ужина уже сидел за столом. – Можно ведь закупать свежемороженых кальмаров и держать их в холодильниках.

– Ты видел, Олег Сергеевич, какая мелочь обычно идёт на продажу? – отозвался я, заливая в большой котелок с картофельным порошком кипяток.

– Наш кок всё проклянёт, когда начнёт чистить промысловых кальмаров на судовую команду!

– А осетринку-то, Олег Сергеевич, нам обеспечишь? – подсаживаясь к столу, спросил мой заместитель и подмигнул мне, указав глазами на Наташу – от его опытного взгляда не укрылась перемена в настроении девчонки.

Пока накрывали на стол, я выбрался с биноклем на крышу нашего плавучего дома и как следует осмотрелся. Сейчас было половина девятого «вечера» – мы находились в пути уже десять часов, если не считать небольшой остановки, когда мне пришлось отдираТЬ от днища сломанную плаху, и за это время преодолели порядка пятидесяти – пятидесяти пяти километров. С учётом заметного бокового сноса (дул лёгкий северный ветерок), нам предстояло пройти до устья реки Ледниковой ещё, примерно, двадцать пять-тридцать километров, на что требовалось пять-шесть часов. Погода пока благоприятствовала нам – небо на севере было чистым и ничто не предвещало скорой грозы или неожиданного шквала, но тем не менее, я решил не ложиться отдыхать сегодня пока плот не минует устье реки Ледниковой – в море могла случиться любая неожиданность, требующая моего личного вмешательства...

Спустившись вниз, я вымыл руки и присоединился к своим людям, ожидавшим меня – без своего начальника к ужину никто не приступал. За столом царил некоторое оживление, причиной которого было не столько полюбившееся всем блюдо, а то, что мы благополучно возвращались назад после весьма плодотворно проведённого времени в чужом мире, и все очень скоро рассчитывали увидеть своих близких. Что касается материального благополучия своих семей, то здесь мои служащие были спокойны – часть их очень приличного (вдвое выше среднего уровня) жалования перечислялась близким во всё время длительного отсутствия кормильцев...

– Сделаем остановочку в устье реки? – спросил меня Огнев, следя за тем, как наш юнга раскладывает на тарелки картофельное пюре и котлеты размером с ладонь взрослого мужика.

– Возможно... – ответил я, одновременно оценивая и вариант остановки выше по течению реки. – Ближайшее подходящее место для стоянки будет лишь ещё километров через семьдесят-восемьдесят.

– Как вы думаете, Николай Александрович... – начал мой заместитель и, взяв поданную ему Володей тарелку (Наташа, как я заметил, теперь только распоряжалась и, как исключение, делала салат, но уже не раскладывала пищу по тарелкам и не мыла посуду), продолжил. –

Далеко сможем подняться по реки на «Дредноуте»? А то на «надувнушках» то с нашим золотым запасом будет тяжело! Раз по десять придётся вперёд – назад плавать!

– Можешь быть спокоен, Иван Ильич! – ответил я, с сомнением разглядывая впечатляющую порцию на своей тарелке (пришлось просить Володю уменьшить её наполовину). – Будем двигаться на плоту, пока для него хватит ширины реки.

– А движок-то потянет против течения? – уже протягивая тарелку за добавкой спросил и доктор. – В верховьях, как я помню, скорость уже приличная...

– Не волнуйся, Олег Сергеевич! – улыбнулся я. – Решу и эту проблему!

– Всё правильно! – заключил Огнев. – Наше дело – работать и выполнять распоряжения, а думать за нас есть кому...

Опять поднявшись из-за стола раньше всех, я отправился в свою «каюту» и продолжил прерванное занятие. Почти сразу ко мне заглянула Наташа и предложила дыню на десерт – я чуть рассеянно кивнул в ответ. Заправляя шпильку в колпачок, я заметил, что в моей «каюте» стало заметно светлее, а глянув в сторону ближайшего окна-бойницы, увидел, что как раз напротив него сухие стебли тростника, перекрывавшего боковые проходы, образовали широкую щель – кто-то, видимо, в спешке проходя здесь, задел уже не особенно прочную стенку... Появилась моя помощница и поставила на край столика ярко-жёлтую, всю в капельках воды (только что помытую) дыню в большой миске. Мне пришлось отвлечься и самому нарезать хорошо созревший плод, из которого в миску сразу натекло много сока вперемежку с семечками.

– Вы успели сшить уже три вещи... – заметила Наташа, аккуратно беря небольшой ломтик дыни. – И раскроили ткань ещё на несколько штук... Скажите, это не означает, что мы не сразу вернёмся в цивилизованный мир?

– Такое может случиться, – после некоторой паузы (тревожить собеседницу прежде времени мне совсем не хотелось) ответил я, осторожно срезая со своего ломтика янтарную корочку. – Как известно, Земля Ольховского показывается в нашем мире лишь раз в одиннадцать лет...

– И мы будем ждать на яхте ещё десять лет? – даже без тени тревоги спросила моя собеседница и с улыбкой добавила. – Я даже не сомневаюсь, что вы легко решите и эту проблему!

– Надеюсь, – несколько отрешённо отозвался я, а потом тоже улыбнулся. – Но на это потребуется, возможно, почти четверть часа!

Наташа рассмеялась и потянулась за очередным ломтиком дыни. Лежавший до того у порога Адмирал, который всегда спешил присоединиться, лишь только мы с моей помощницей оставались вдвоём, поднялся, протиснулся в дверь и принялся. Девчонка тут же отдала ему кусочек дыни, и пёс без долгих раздумий просто слизнул его, чем ничуть не удивил меня: в юности у меня была немецкая овчарка, весьма охотно поглощавшая овощи и фрукты.

– Я приучила его даже к помидорам! – поделилась Наташа, положив на настил из плах ещё один ломтик дыни. – Но больше всего ему нравится морковка и репа, а вот огурцы есть совсем не хочет!

– Надеюсь, вы не сделали из него вегетарианца! – покачивая головой, проговорил я, вновь берясь за работу. – Если ему ещё и каши придутся по вкусу, то я буду вынужден искать нового сторожа!

Наташа привычно-удобно устроилась на моей лежанке с ногами и принялась рассказывать о том, что интересное и необычное произошло в лагере за весь период моего отсутствия. Время от времени поглядывая на собеседницу, когда нужно, улыбаясь и вставляя дежурные фразы, я никак не мог окончательно решить, как мне следует поступить по возвращении из этой экспедиции – как бы там ни было, но я был уверен, что ни о каких дальнейших отношениях с этой очаровательной девчонкой не могло быть и речи...

– Мне кажется, что я чуточку поправилась! – сообщила мне девушка. – Вы учли это обстоятельство?

– Да, я внёс некоторые поправки, – отозвался я, занятый своими невесёлыми мыслями. – И немного разнообразил дизайн...

– У вас так здорово получается, Николай Александрович! – покачала головой моя собеседница, рассматривая готовые вещи на краю столика. – Ещё лучше, чем в прошлый раз! Наверное, я не откажусь от ваших изделий и в цивилизованном мире.

С кормы меня окликнул Пётр, дежуривший у румпеля мотора – шёл первый час «ночи», и мы приблизились к северному берегу. Я вышел с биноклем на корму в сопровождении Наташи и Адмирала. В сотне метров по правому борту тянулась низкая неширокая полоса пляжа, за которой поднимались густые ярко-зелёные заросли местных джунглей. Возможно, что мы где-то здесь проплывали с моей помощницей во время нашей первой экскурсии, когда из-за померкнувшего Агни наступила почти полная темнота, а устье реки Ледниковой, без сомнения, находилось немного западнее. Распорядившись приблизиться к берегу ещё примерно метров на пятьдесят-шестьдесят и дальше следовать вдоль него, я вернулся в свою «каюту» и снова сел за столик, чтобы продолжить ставшее уже привычным занятие. Наташа опять забралась с ногами на мою лежанку, а Адмирал разлёгся на полу, вынудив меня даже передвинуть скамейку. Некоторое время мы молчали: я был занят, заканчивая последнее изделие особенно оригинального фасона – собственного дизайна, а моя помощница внимательно следила за мной, думая, наверное, ещё и о чём-то своём.

– Давайте, я вас удочерю, Наташа! – несколько рассеянно проговорил я, протрачивая последний двойной потайной шов. – Пожалуй, это будет самое разумное решение в сложившейся ситуации...

– Я, конечно, не отказалась бы от такого умного, красивого и моложавого отца... – очень серьёзно ответила моя помощница, приподнимаясь и садясь на лежанке. – Но теперь это совершенно невозможно!

– Может быть, тогда ваше отношение ко мне станет иным... – в раздумье проговорил я, откладывая последнее изделие. – Осталось лишь разместить резинки – отмерять их нужно по месту... Справитесь?

– Конечно... – отозвалась Наташа, глянув в окно-бойницу: на носу слышались голоса, и кто-то направился по бортовому проходу к корме. – Не в первый раз...

Повинуясь внезапно охватившему меня чувству тревоги, я быстро наклонился вперёд и оттолкнул девчонку от окна... В ту же секунду сквозь эту узкую бойницу, разорвав противомоскитную сетку с гулом, на излёте влетела тяжёлая арбалетная стрела и с характерным треском впиалась в дощатую перегородку... Я вскочил на ноги и сорвал со стены крупнокалиберное ружьё вместе с наполненным патронташем.

– Оставайтесь здесь! – тоном приказа быстро сказал я, на мгновение задержавшись на пороге. – И ни в коем случае не поднимайте голову!

Ошеломлённая девчонка, которую я буквально опрокинул на лежанку, лишь испуганно кивнула мне в ответ. Шагнув за порог, я прикрикнул на Адмирала, который тоже вскочил и хотел последовать за мной. С кормы меня позвал мой заместитель.

– Ложись, Иван Ильич! – громко сказал я и тут же крикнул, чтобы слышали все. – Никому не высовываться!

По моей команде Огнев и Пётр, дежуривший у мотора, ползком пробрались в кормовой коридор, а я, осторожно выглянув наружу, ногой толкнул румпель мотора, подправив курс «Дредноута». Со стороны моря и чуть западнее, метрах семидесяти-восьмидесяти от нас, я успел разглядеть несколько больших лодок, полных вооружённых короткими копьями и арбалетами людей, направляющихся к нам со скоростью, вдвое превышавшей нашу...

– Принести ещё пару ружей? – с беспокойством спросил мой заместитель. – Василий и Пётр неплохо стреляют...

– Пустяки! – отозвался я, вновь быстро выглядывая из-за угла (в брёвна сруба тотчас вонзилось две стрелы). – Справлюсь сам, а наши морпехи, к сожалению, никогда не принимали участия в боевых действиях...

Мне пришлось подождать ещё немного – ствол моего ружья имел слабый получок (чок – сужение канала ствола в дульной части охотничьего ружья – прим. авт.), позволяющий без ограничений использовать все номера дроби и картечи, а также пули почти всех видов, однако это обстоятельство не добавляло ему кучности при стрельбе на предельных дистанциях, что особенно было важно теперь, когда требовалось сделать несколько хороших пробоев в корпусах лодок. Я дал первой лодке приблизиться метров на двадцать – больше выжидать было уже рискованно, а затем на мгновение выглянул из-за косяка кормовой двери и выстрелил навскидку прямо в носовую часть этой посуды, чуть выше уровня воды... Почти сразу раздалась истошная вопли – с такой дистанции крупная картечь (четыре нуля) наверняка пробил лёгкий деревянный корпус навывлет и кому-то, без сомнения, досталось и по ногам... Быстро передёрнув скользящее цевьё, я повторил выстрел лишь через несколько секунд, успев заметить, что картечь буквально в щепы разворотила носовую часть лодки, и хорошо нагруженное судёнышко сразу стало носом уходить под воду... Едва я убрал голову, как в дверной косяк тут же ударило несколько стрел... В ответ, воспользовавшись тем, что мои противники стали перезаряжать арбалеты (ни один из них не был теперь направлен в мою сторону), я выпустил остаток подствольного магазина, всё так же целясь в корпуса лодок на уровне ватерлинии. Прикрыв дверную заслонку – теперь, когда все преследовавшие нас лодки (всего их было пять и три из них тонули) остановились и сгруппировались вместе (видимо, находившиеся в них воины пытались предотвратить окончательное затопление повреждённых судёнышек), оказавшись у нас за кормой – я, продолжая наблюдать за противником, без лишней спешки, по одному патрону снарядил трубчатый магазин своего помпового ружья.

– Думаете, Николай Александрович, теперь они оставят нас в покое? – спросил Огнев, также внимательно следя за отставшими лодками в узкую щель между притвором и дверным косяком.

– Как знать... – неопределённо ответил я, досылая патрон в патронник. – Может статься, что им захочется взять реванш... В этом случае мне придётся бить на поражение – проявлять гуманность и рисковать дальше не имеет смысла.

Мы постояли молча ещё несколько минут, и, когда дистанция между нами и остановившимися лодками туземцев увеличилась метров до трёхсот, я сдвинул дверную заслонку и вышел на корму. Тем временем «Дредноут» миновал небольшой мыс, из-за которого, как я понял, так неожиданно и вынырнули лодки наших противников, а за ним показалось широкое устье реки Ледниковой. Пётр, вновь севший за румпель мотора, по моему распоряжению плавно повернул плот на север, придерживаясь правого берега реки. Поколебавшись несколько минут, я всё же решился на кратковременную остановку вблизи полосы леса всё у того же правого берега, чтобы набрать дров и выгулять собак. Встревоженные подчинённые (до внезапного нападения на нас большинство из них успели крепко уснуть) собрались вокруг меня и я несколькими ободряющими фразами успокоил их, а потом отдал необходимые распоряжения. Через четверть часа мы двинулись вверх по реке, но пока спать никому не пришлось: по моим указаниям по обе стороны от мотора приколотили два обрезка обломка плахи, извлечённого мной из под днища плота, защитив таким образом рулевого; другой же обломок распилили ножовкой на три части и укрепили (также с помощью восьмидюймовых гвоздей) со стороны кормового среза крыши – здесь я решил устроить круглосуточный наблюдательный пост. Эти работы под моим наблюдением были закончены в течение часа, и я, назначив троих дежурных (одного – на нос, второго – у мотора и третьего – на крыше), отправил всех остальных отдыхать.

Вернувшись в свою «каюту», я глянул на Наташу, сидевшую на лежанке в самом углу (в «мертвой» зоне для обстрела), невольно покачал головой, повесил тяжёлое ружьё (так и расхаживал с ним всё это время) вместе с патронташем на колышек, вбитый в бревенчатую стену, выдернул из внутренней перегородки арбалетную стрелу, бросил её на столик, а потом сел рядом с девчонкой и обнял свою помощницу за плечи – она порывисто вздохнула и положила мне голову на плечо.

– Это и было то, что вы предчувствовали? – после небольшой паузы тихо спросила она.

– Я не провидец, Наташа, – устало отозвался я. – И как-то, помнится, уже упоминал об этом... Но, как бы там ни было, теперь мы с вами станем ещё осторожнее!

– Мне пора перебираться в вашу «каюту»? – слабо улыбнулась она в ответ.

– Нет, пока будете лишь реже покидать свою, – в тон собеседницы и тоже с улыбкой ответил я. – Даже душ теперь будете принимать там – сдвинете шкуры с пола, а вода свободно уйдёт сквозь щели...

Смолк двигатель, и моя помощница с беспокойством глянула на меня, но я лишь покачал головой – кончилась очередная канистра, что происходило при установленных мною оборотах ниже средних каждые четыре часа.

– Вы можете идти отдыхать, Наташа, – после минутной паузы негромко проговорил я. – Мне, к сожалению, сегодня спать почти не придётся – сейчас ещё слишком велика вероятность преследования...

– Посидите со мной? – тихо спросила девушка. – Мне иначе просто не уснуть...

– Конечно, – ровно ответил я, невольно вспоминая, как нередко сидел перед сном у постели своих детей, рассказывая им на ночь что-нибудь очень интересное и в меру страшное... – Сейчас принесу вам душ и ведро воды, а потом загляну через четверть часа...

Выйдя на корму, я внимательно огляделся (не слишком-то полагался на своих «вахтенных»), но ничего подозрительного не обнаружил. Маловероятно, конечно, было то, что аборигены решаться преследовать нас, получив серьёзные повреждения трёх лодок, не говоря уже о весьма возможных ранениях нескольких воинов. Однако такая опасность всё же была, и я не собирался игнорировать это обстоятельство. Зачерпнув воды, я процедил её через несколько слоёв противомоскитной сетки и отнёс ведро вместе с душем-топтуном в «каюту» своей помощницы. Потом вновь забрался на крышу нашего плавучего дома, где сейчас дежурил Сергей, и, воспользовавшись, биноклем ещё более тщательно осмотрел окрестности. В этом поясе болот и озёр, что по сути дела и представляло собой устье реки Ледниковой, было очень легко скрыться небольшим лодкам туземцев, чтобы потом подобраться к нам совсем близко...

Подумав пару минут, я окликнул своего заместителя, которому пока было тоже не до сна, и распорядился выставить на крышу второго вооружённого дежурного (Огнев вызвался пару часов подежурить сам).

– Что делать, Николай Александрович, если заметим туземцев? – обеспокоено спросил меня он, едва забравшись на крышу сруба.

– Стрелять?

– Да! На поражение! – жестко ответил я.

– Сможешь?

– Не доводилось, Николай Александрович... – покачал головой Огнев. – Как-то даже не по себе...

– Знаю – дело неприятное! – заметил я. – Но имей в виду: нас они ни за что не пожалеют!

Спустившись вниз, я прошёл в «каюту» своей помощницы – Наташа в ожидании меня сидела на своей лежанке лишь в голубой (в крупную белую клетку) рубашке, едва прикрывавшей треть бедра. Смотрелась девчонка просто потрясающе – для меня, конечно, что никогда не поняли бы те, чьим эталоном женской красоты стала болезненная костлявость...

– Укладывайтесь, Наташа, – ровно проговорил я, наглухо закрывая заслонкой узкое окно в изголовье лежанки и наполовину прикрывая другое – в ногах.

– Вам рассказать перед сном сказку?

– Только не про Колобка! – улыбнулась она, укрываясь махровым покрывалом. – Правда, если в вашем произвольном изложении...

Придвинув скамейку к лежанке, я сел рядом и взял в свои руки нежную девичью ладонь. Мне вдруг подумалось, что в ближайшие пару часов я, скорее всего, опять буду сидеть здесь и успокаивать свою помощницу, после очередного потрясения – теперь я уже не сомневался, что нового нападения аборигенов не избежать... Вместо сказки про Колобка я рассказал одну весьма занимательную историю, случившуюся со мной много лет назад, изложив её от третьего лица, оставляя, впрочем, для своей внимательной слушательницы шанс догадаться, кто на самом деле является истинным героем этого устного повествования... Спустя примерно четверть часа, когда моя помощница задремала, я тихо поднялся, жестом приказал Адмиралу, расположившемуся на пороге, войти в «каюту» и лечь на полу, а сам осторожно вышел и плотно прикрыл за собой неуклюжую дверь.

VI

В своём помещении, я опустил на лежанку, прикрыл глаза и прислонился спиной к внешней упругой бревенчатой стене из пробкового дерева. Мне удалось забыться лишь на несколько минут – очень скоро я очнулся от вдруг охватившего меня чувства тревоги, открыл глаза, выпрямился и внимательно прислушался. Что-то очень тихо стукнуло в левый борт нашего плота, а потом послышался едва различимый скрип, как будто остро отточенный крюк осторожно воткнули в самый край платформы из плах, а потом как-то сразу вдоль бревенчатой стены послышались быстрые шаги нескольких людей, направляющихся к корме. Мгновенно оказавшись на ногах, я взял со стола крупнокалиберное ружьё и ступил в коридор. Первое, что я увидел на корме, это было то, как сидевший за румпелем мотора Александр приподнялся, глянул влево, привскочил и как-то неловко опрокинулся на бок... Секундой позже в коридоре появился великан-туземец (на полголовы выше меня – ему пришлось даже пригнуться в дверном проёме), одетый в штаны и жилет из рыбьей кожи светло-серого цвета, с коротким мечом в руке, а также целым арсеналом ножей за широким поясом. Ещё я успел заметить, как его не менее здоровенный спутник замахнулся небольшим топориком на короткой рукояти, метаясь в сторону так и не успевшего подняться Александра... Привычным движением отбросив направленный на меня меч стволom ружья, я ударил в полную силу (даже с небольшим входом, насколько позволяла дистанция) каблуком сапога воинственного туземца в середину груди. Мой огромный противник, судорожно и хрипло вскрикнув, вылетел на корму, по пути уронив меч и сбив с ног своего спутника, угрожающего Александру, после чего оба они наткнулись на колпак подвесного мотора (благо крепление двигателя выдержало такое испытание) и с шумом рухнули в воду, подняв ко всему тучу брызг. Едва оказавшись на корме, я отвёл маховым движением ступни «снаружи вовнутрь» короткое копыё третьего нападавшего, мгновенно развернулся на все триста шестьдесят градусов с небольшим проскальзыванием вперёд и, оказавшись за его спиной, двинул противника прикладом в затылок, а потом уже догнал ударом ноги в спину обмякшее тело. Этот туземец рухнул прямо на душевую кабинку и, запутавшись в полиэтиленовой плёнке, вместе со сломанными стойками свалился с края платформы. Четвёртого нападающего я встретил ударом ноги в подбородок, едва туземный воин показался из за угла нашего сруба – он, сдавленно вскрикнув, сразу упал с плота, а пятый, получив пинком сапога в колено, присел, выронив топорик и арбалет, и схватился за травмированную ногу – его я сбросил в воду мимоходом, едва ступив в бортовой проход навстречу ещё двум нападающим. Следующий воин, уклонившись от моего двойного обманного движения (стволом ружья и ногой), получил сильнейший удар каблуком с полного поворота корпуса, отлетел назад на пару метров, сломал по пути часть бортового ограждения и с грохотом рухнул в одну из двух пришвартованных к краю платформы лодок... Последний туземец, потеряв самообладание, метнулся вдоль борта к носовой части плота, но я догнал его в два прыжка и ударил ступнёй между лопаток – он пробежал ещё пару метров и, вылетев из-под носового навеса, рухнул в воду прямо по ходу плота. Восьмой туземец, так и не покидавший одну из лодок, торопливо отцепил свою посудину и схватился за вёсла. Быстро пройдя назад, я трижды выстрелил картечью из тяжёлого ружья в борт его лодки, после чего судёнышко стало быстро наполняться водой, а потом, выпустив остаток магазина в днище второй пришвартованной посудины, вынул нож и обрезал удерживающую верёвку у самого основания железного крюка, впившегося в край плахи палубного настила.

– Николай Александрович! – раздался обеспокоенный крик Огнева и только тогда я услышал взволнованные голоса своих людей, лай собак и рык Адмирала, ломившегося сквозь закрытую дверь мне на выручку.

Вся схватка заняла менее минуты, и туземные воины всё ещё барахтались в воде совсем неподалеку от нашей кормы – течение здесь почти не ощущалось, и «Дредноут» продолжал двигаться со скоростью пяти-шести километров в час. Пройдя к мотору, я чуть подправил румпелем наш курс, чтобы обойти очередную отмель, густо поросшую тростником – Александр, которого слегка шокировало внезапное нападение, продолжал сидеть на плахах палубы и хлопать глазами... Через полминуты здесь собрались все мои люди, протиснулись собаки, пару раз гавкнувшие на ещё хорошо различимых туземцев, выбиравшихся на топкий островок, вырвался Адмирал (выпущенный Наташей, которая показала следом, успев надеть голубую юбку) и сразу подскочил ко мне, чтобы, наверное, убедиться в благополучном исходе для хозяина неожиданного происшествия.

– Здорово вы их, Николай Александрович! – восторженно воскликнул Володя.

– Даже не пикнули!

– Да нет же – орали здорово! – заметил мой заместитель, оглядывая все произведённые мною разрушения. – Ремонтировать-то будем, Николай Александрович, или теперь уж и так сойдёт?

– Надо будет всё исправить, Иван Ильич! – устало отозвался я (лёгкая победа совсем не вдохновляла). – Иначе обязательно кто-нибудь свалится в воду... Устроим стоянку в том самом месте, где мы нашли лодки!

– А дистанционное управление с них можно будет снять? – тут же спросил наш юнга, по-прежнему, видимо, горевший желанием доставить наш «Прогресс-4» на «Странник» и устроить на транец моторки два «Вихря».

– Снимешь, – легко согласился я и, найдя глазами доктора, обратился уже к нему. – Можешь заняться теперь рыбалкой, Олег Сергеевич – похоже, что опасность нападения окончательно миновала!

– Как быть теперь с дежурствами, Николай Александрович? – обратился ко мне Огнев. – По старой схеме?

– Да! Одного у мотора, другого – на носу! И пусть будут повнимательней, – распорядился я. – Сделай, Иван Ильич, хорошее внушение. Всем остальным отдыхать!

Александра на корме сменил Сергей, на носу встал на дежурство Василий, а другие мои подчинённые, негромко переговариваясь, прошли вдоль борта (склад был основательно загружен и пробираться через него было непросто) в кубрик. Огнев задержался на секунд, помялся, тяжело вздохнул, а потом искоса глянул на меня.

– Не надо, Иван Ильич! – остановил я мужика, хотевшего повиниться за то, что он на пару с Сергеем «проспал» нападение. – Вы же у меня всё-таки не солдаты! Да и устали все изрядно.

Мой заместитель кивнул и отправился следом за остальными, а я оглянулся на Наташу, у которой был слегка взъерошенный вид (девчонке это очень даже шло) и невольно улыбнулся:

– Очередное потрясение?

– Адмирал такой ужасный шум поднял! – улыбнулась она в ответ. – Я даже сразу и не поняла, что случилось... Но теперь требуется новая история!

– Очередная только что произошла! – невольно вздохнул я, а потом, глянув за корму – туземцев уже было не различить, добавил. – Пойдёмте, продолжим сеанс психотерапии занимательными рассказами. Вам не кажется, Наташа, что опасные приключения в вашей жизни появляются вместе со мной? Вы жили так спокойно больше десяти месяцев...

– Я тоже умею находить приключения, как вы, наверное, успели заметить! – отозвалась моя помощница, уже на пороге своей «каюты».

– Даже наше с вами знакомство началось с одного из них!

В эту минуту заглох мотор, и я, извинившись перед Наташей, вернулся на корму. Сергей дернул пару раз за пусковой шнур, но эти действия не произвели решительно никакого эффекта, и мне пришлось сначала снимать колпак, а потом, после внешнего осмотра, выкру-

чивать свечи и проверять бензонасос. Последний оказался в порядке, но одна из свечей (обе успели покрыться значительным нагаром – результат работы двигателя на малых оборотах и некачественном топливе) прогорела, и я сразу заменил обе, не утруждая себя очисткой второй, ещё вполне годной – благо, что запас их был значительный. Пока я возился с мотором, а потом ждал, когда Сергей его запустит (что произошло примерно с двадцатой попытки), моя помощница успела крепко уснуть, и мне осталось лишь прикрыть снаружи дверь, приказав Адмиралу на этот раз оставаться в проходе. Я попытался было немного подремать и сам, но ничего из этого не вышло – сон был безнадежно испорчен, поэтому через полчаса я поднялся на крышу нашего плавучего дома и занялся хатха-йогой, а потом и остальными упражнениями из своей малой программы. Практически каждые четверть часа я внимательно оглядывал окрестности, хотя и понимал, что нового нападения теперь уже ожидать не приходится. Закончив тренировку, я принял душ прямо в бортовом проходе, используя второй «топтун», оделся, нацепил на себя весь арсенал, а потом занялся приведением в порядок своего гардероба. Тем временем на корме у мотора занял место Володя, сменив Сергея, и я вновь вышел наружу, чтобы оценить обстановку. Берега постепенно становились всё выше и суше, а русло реки заметно чище (сильно поубавилось водорослей) и глубже – мы покидали болотистую местность, но течение пока оставалось почти незаметным, и скорость «Дредноута» всё также находилась в районе трёх с половиной узлов. Учитывая весь приход и расход старого топлива, у нас оставалось его ещё три десятка двадцатипятилитровых канистр (семьсот пятьдесят литров), чего должно было хватить на пять дней непрерывного хода. Я очень надеялся, что этого запаса нам хватит на преодоление первой половины пути – что-то порядка четырёхсот километров. Далее придётся задействовать наш основной резерв – сорок тридцатилитровых канистр относительно свежей горючей смеси, но вопрос, когда мы пересядем с нашего плавучего дома в надувные лодки (наш груз тогда придётся перевозить в несколько приёмов), решать пока было преждевременно. Мне хотелось как можно дольше не расставаться с «Дредноутом», на борту которого мы все находились в сравнительной безопасности... Пройдя вдоль борта на нос, я обнаружил, что сейчас дежурство здесь несёт наш доктор, прекрасно совмещая это занятие с рыбалкой – постоянно осматриваясь и привычно выдёргивая из воды одну рыбину за другой.

– Ты просто незаменим у нас, Олег Сергеевич, – негромко заметил я (дверь в кубрик, где спали остальные мои люди, была полуоткрыта). – Чем думаешь заняться после нашего путешествия? Свою клинику построишь?

– Нет, Николай Александрович, – тоже тихо отозвался Козырев. – Ну её к богу в рай, эту врачебную практику... Женюсь, пожалуй, прежде всего, ещё немного – и поздно будет семьёй обзаводиться, я в экипаже единственный холостяк...

– Дождётся? – чуть улыбнулся я, прекрасно зная о подруге своего врача.

– Конечно! – машинально ответил Козырев, а потом даже изменился в лице и покачал головой. – В резюме об этом не было ни слова! – Для чего же ещё нужна служба безопасности! – усмехнулся я и добавил. – На свадьбу пригласишь?

– Обязательно! Всю команду! – выдёргивая очередную крупную рыбину, ответил доктор. – В свидетели пойдёте, Николай Александрович?

– Пойду. Вот только с подругой не забудь прежде познакомиться, – устало улыбнулся я. – Был у меня в жизни случай – школьный друг представил свою невесту уже у входа во дворец бракосочетаний...

– Опасался, видно, что на вас глаз положит! – заключил Козырев, ловко забрасывая блесну.

Вернувшись в своё помещение (по пути подключив к мотору штекер удлинителя), я сел за стол и занялся пошивом очередной вещицы для своей помощницы – спать всё ещё не хотелось, а мои люди, едва сменив друг друга на дежурстве, сразу ложились отдыхать, и в «кубрике» было

по-прежнему тихо. Провозившись, впрочем, пару часов я тоже прилёг вздремнуть и проспал часа полтора, прежде чем поднялся, услышав голоса на носу – пора было организовывать обед.

VII

Я приготовил тушёную белокочанную капусту, которая очень неплохо росла в нашем огороде, потом добавил в неё слегка обжаренных, мелко нарезанных спелых помидоров, зелёного лука и тёртой моркови. Помимо того, пришлось также запечь в фольге (для экономии растительного масла) с десяток крупных рыбин и нажарить лепёшек. Основное блюдо, хорошо одобренное острой приправой, пришлось всем по душе – поначалу ели очень вяло (сказывалось недосыпание), а потом вошли во вкус и уже привычно стали просить добавки.

– А с мясом-то, поди, будет ещё вкуснее! – осторожно подал голос Василий, обычно, как и другие мужики, стеснявшийся моего присутствия и предпочитающий помалкивать.

– Приготовим, Вася, и с мясом! – отозвался я, прикрывая наполненную тарелку помощницы, которая ещё не выходила из своей «каюты». – Скоро сделаем остановку и сходите с Иваном Ильичом на охоту. Да дичь выбирайте поупитанней – у нас масло на исходе и скоро жарить станет не на чем.

– Николай Александрович! – самостоятельно добавляя себе капусты и кладя в тарелку ещё и хорошую копчёную рыбину, сообщил Огнев. – Меня первая тёща однажды пельменями с капустой угостила... В сливочном масле их подали. Так я скажу – занятное блюдо получилось!

– Для этого, Иван Ильич, обычно используется промытая и пропущенная через мясорубку квашеная капуста, – отозвался я, наливая себе крепкого чая. – Приготовим завтра же на ужин, но вкус, конечно, будет другой.

– У вас, Николай Александрович, хоть как будет вкусно! – заметил доктор, тоже добавляя себе третью порцию. – Как бы мне вам в обучение будущую жену отдать!

– Этому не научишь, Олег Сергеевич! – усмехнулся Огнев и потянулся к стопке лепёшек. – От Бога даётся!

– Как с оставшейся рыбой поступить, Николай Александрович? – спросил меня наш юнга. – Собак я уже покормил, а её ещё ведра полтора... Коптить?

– Да, займись этим, Володя! – кивнул я, не торопясь пока вставать из-за стола – ждал Наташу.

– А ты, Олег Сергеевич, продолжай в том же духе – скоро станет прохладно и небольшой запас копчёностей нам не повредит – будет чем перекусить, если кто оголодает.

– Видать, много работы скоро предстоит! – проговорил Огнев, а потом вздохнул над пустой тарелкой, подумал – подумал и... налил себе чая.

– Сегодня-то чем занять людей, Николай Александрович? – Свободные от дежурства пусть отсыплются! – разрешил я, а потом, оглянувшись на появившуюся на пороге склада Наташу (девчонка предпочла пробраться через него, а не идти вдоль борта), добавил. – Работы у нас действительно будет много – груз просто совершенно непомерный. – Уж больно он хорош, наш груз! – рассмеялся мой заместитель и, вскочив, ловко подставил скамейку для Наташи, опередив даже меня.

Девушка лёгким кивком (весьма снисходительным) поблагодарила его и с хозяйским видом устроилась рядом со мной. За столом теперь остались лишь мы с ней вдвоём: доктор устроился на носу с удочками, дежурных ещё не успели сменить, хотя их здоровенные порции уже ждали в тарелках, а все остальные принялись по просьбе нашего юнги чистить рыбу, чтобы заложить её в копильни побыстрее... Моя помощница попробовала получившееся блюдо (я с улыбкой наблюдал за ней) и одобрительно кивнула, поймав мой взгляд.

– А что задумано на ужин? – спросила она после небольшой паузы, отламывая кусочек от пышной лепёшки.

– Сварим рис, покрошим в него копчёную рыбу и, конечно, добавим овощных приправ, – отозвался я, придвигая к себе ещё не открытую банку «сгущёнки» (сегодня сладкое шло совсем плохо). – Составите компанию?

– Конечно! – опять после паузы (воспитание у девчонки было светское) ответила она и тут же улыбнулась. – Это одна из обязанностей помощницы!

Потом мы на пару с ней пили чай и окунали лепёшки в сгущённое молоко (не всегда уместно придерживаться аристократических манер) – пришлось даже открыть ещё одну банку (благо некоторый запас молочных консервов пока оставался).

– Будете отдыхать, Николай Александрович? – спросила меня Наташа, когда мы окончательно управились со «сгущёнкой». – Я собиралась заняться своей одеждой, но не хотела бы шуметь и мешать вам...

– Громче лодочного мотора? – улыбнулся я и наливая себе ещё с полкружки чая. – Нет, я намерен сегодня сшить вам брючки и, пожалуй, короткий жилет к ним. Словом, своего рода летний бесподкладочный комплект для прохладных дней...

– Было бы здорово! – заметила моя помощница. – А то сейчас я чувствую себя какой-то неподготовленной к той погоде, что была в районе нашего холма. Вам нужно снять размеры?

– Только длину обоих изделий и окружность плеча, – поднимаясь, ответил я.

– Можем снять их прямо сейчас...

Вынув из нагрудного кармана рубашки самоубирающуюся рулетку, я попросил девушку встать, а потом смерил длину от талии до пола, от плеча до талии, обхват руки в районе плеча и ширину будущего изделия по плечам.

– Как освобожусь – сразу приду к вам! – пообещала моя помощница, и я с улыбкой кивнул ей в ответ.

Пройдя в свою «каюту», я по пути подключил штекер «удлинителя» к розетке на поддоне двигателя, а потом сел за столик и набросал в «ежедневнике» выкройки для задуманных изделий. Ткань я выбрал голубого и бежевого цвета – для двух пар изделий, рассудив, что времени на это у меня вполне достаточно, а пошив представлялся куда проще, чем это было с прежними деликатными предметами... Дело пошло быстро – благо, что теперь я имел уже и некоторый опыт, а потому действовал достаточно смело и без лишних раздумий. Раскроив ткань и сметав основные детали, я поставил на столик швейную машинку. Сквозь её лёгкий стрёкот и негромкий гул мотора несколько раз слышал, как Наташа, выйдя на кормовую платформу, просила Александра, сидевшего за румпелем, зачерпнуть ей ведро воды. Примерно, через час я сделал перерыв и вышел в наш коридорчик: в помещении моей помощницы была теперь тишина, и я заглянул в полуоткрытую дверь – девчонка, закончив свои дела, успела прилечь на лежанку и крепко уснуть. С полминуты я задумчиво смотрел на неё, а потом осторожно прикрыл неуклюжую створку и вышел на кормовую платформу. Болотистая местность наконец осталась позади, и теперь над водой уже не порхали бесчисленные огромные крылатые насекомые, за которыми охотились мелкие птеродактили. Правда, широкое русло реки всё ещё делилось большими и мелкими островами на множество протоков, а течение пока так и не ощущалось, но на относительно сухих берегах теперь появилось много высоких деревьев, а тростник и гигантские хвои росли лишь у самой воды. По-прежнему ярко светил Агни, но было ясно, что мы любимся его необычайным оранжевым диском и тёмно-синим небом последние дни – очень скоро сначала лишь дымка, а потом и плотный слой облаков начнут скрывать всё это от нас.

Вернувшись в «каюту», я продолжил своё занятие, и дело, похоже, пошло даже ещё быстрее: я за час с небольшим полностью закончил брюки (включая застёжку на «молнии» и «потайных» кнопках) и принялся за жилет. В процессе работы пару раз поднимался и выходил на корму, чтобы особенно не засиживаться и в очередной раз осмотреться – на всякий случай, хотя и был полностью уверен, что нового нападения ожидать уже не приходится. Во второй раз

я задержался немного дольше прежнего – далеко над лесом правого берега реки кружил огромной морской птерозавр, похоже, высматривая добычу. Нашим плавучим домом он, впрочем, так и не заинтересовался, поэтому, постояв ещё несколько минут, а потом, проводив взглядом крупную белую птицу, пролетевшую над «Дредноутом», я вернулся в своё помещение, чтобы окончательно дошить последнее изделие. Сделал я это довольно быстро, но подумав немного, после установления «кнопок» выкроил и пристрочил на жилет пару небольших накладных карманов (будет куда хотя бы носовой платок положить), на что ушло ещё добрых полчаса. Потом в «каюту» тихонько вошла Наташа (я разобрал её лёгкую поступь на фоне гула мотора) и сразу прижалась щекой к моей буйной шевелюре, а после минутной паузы с десятков раз поцеловала меня в щёки и шею...

– Пора делать примерки, – ровно сказал я, машинально беря её ладони, лежащие на моих плечах, в свои руки. – У меня собралась для вас целая уйма обнов!

– Может быть, вы и после нашего возвращения в цивилизованный мир будете продолжать одевать меня в изделия собственного пошива? – негромко спросила моя помощница, уткнувшись носом в мои волосы. – При вашем безупречном вкусе и золотых руках я буду выглядеть лучше всех!

– Ну что же... Может статься, что это будет моим хобби на ближайшие годы! – легко улыбнулся я. – Если, конечно, наши пути вскоре не разойдутся...

– Вы можете представить себе такое, Николай Александрович? – выпрямляясь, также тихо проговорила моя собеседница.

– Мне это кажется совершенно невозможным... У вас другое мнение?

– Ничуть, – отозвался я, продолжая улыбаться. – Но мне, похоже, удалось предложить вам весьма достойный выход из сложившейся ситуации...

– А разве правильный выход не в дальнейшем развитии наших отношений? – немедленно и очень серьёзно ответила моя собеседница.

– Похоже, что так... Обсудим это по нашему возвращению на борт «Странника»... – невольно вздохнул я, а потом, несколько раз поцеловав руки девушки, добавил. – Мне не терпится увидеть на вас свой очередной шедевр!

– Я быстро! – с улыбкой сказала Наташа, забирая со стола брюки, жилет и стопку интимных изделий. – Две минуты!

Поднявшись из-за стола, я сделал пару шагов вперёд-назад: сколько позволяла теснота помещения – очередной опасный разговор взволновал меня, и теперь стало окончательно ясно, что после ещё одной-двух такого рода проникновенных бесед я не удержусь и сделаю девчонке предложение выйти за меня замуж, хотя бы и находил это совершенно неразумным для себя... Моя помощница примерялась не «пару минут», а более четверти часа – я успел выйти на корму и немного постоять у остатков перил правого борта (с этой стороны к ним крепилась свороченная упавшим туземцем душевая кабинка), в глубокой задумчивости наблюдая за тем, как едва заметно на глаз проплывают мимо поросшие буйной зеленью всё ещё не слишком высокие берега нашей реки. Наконец Наташа окликнула меня, и я, помедлив с полминуты – был совершенно не готов к очередному «серьёзному» разговору, если такой, конечно, состоится, прошёл в её «каюту» и остановился на пороге. В полусвободных, слегка сужающихся к низу голубых брюках с широким поясом (что, похоже, стало отличительной чертой всех моих изделий), белой рубашке и коротком (также голубом) жилете девчонка смотрелась просто замечательно – тут, безусловно, играли свою роль не столько мой вкус и удачно скроенный комплект, сколько безупречная женственная фигура моей помощницы.

– Ну как? – выждав паузу, спросила меня девушка. – Мне кажется, что здорово!

– Да, очень! – наконец отозвался я и с улыбкой добавил. – Впрочем, на такой красивой девчонке любое заурядное изделие становится шедевром...

– Спасибо, Николай Александрович, за очередной комплимент и за такой прекрасный комплект! – радостно улыбнулась в ответ Наташа и поочерёдно, раз по десять, поцеловала меня в обе щеки (хорошо ещё, что она пока не решалась целовать в губы).

– Покажусь вашим подчинённым, а потом переоденусь – пока слишком жарко и есть возможность спровоцировать «неожиданный поступок»!

– Похоже, что он стал уже вполне предсказуем! – покачал головой я и добавил. – Однако прежде чем красоваться перед нашими людьми, ваш комплект следует хорошо отутюжить!

– Поможете, Николай Александрович? – тут же спросила моя собеседница. – Боюсь с первого же раза сжечь замечательную обнову!

– Я в который раз задаюсь себе вопросом: кто у нас на кого работает? – невольно вздохнул я, а потом чуть улыбнулся и добавил. – Похоже, что мне придётся в следующей экспедиции держать наёмного руководителя, а самому оставаться в стороне – подальше от хозяйственных дел и бытовых проблем.

– У вас так не получится! – заметила Наташа. – Вы так быстро и удачно решаете любые проблемы, что никакой наёмный руководитель не сможет даже сравниться в этом с вами!

Мои подчинённые успели, похоже, отдохнуть – в «кубрике» слышались их голоса, и можно было смело идти готовить ужин без опасения кого-нибудь разбудить. Едва мы появились на носовой площадке, как что-то горячо обсуждающие здесь доктор и Огнев тут же оглянулись на нас, а потом подняли головы Володя и Сергей, возившиеся у коптилен.

– Да, Николай Александрович! – покачал головой мой заместитель после непродолжительной паузы. – Большой талант у вас – умеете девичью красоту подчеркнуть! Уж на что Наталья Андреевна хороша, а в ваших изделиях ещё краше становится! Похоже, что и свадебное платье осилите!

– Нельзя, Иван Ильич! – вмешался Козырев. – Ты же сам третий раз женат – должен знать такие вещи!

– Да уж больно хорошо выходит! – даже вздохнул Огнев. – С душой сделано! Разве где так сошьют?

– Вы, мужики, как я погляжу, девицу посватали, а мнением её на этот счёт даже и не поинтересовались! – решив отшутиться и не поддерживать ставшую традиционной среди моих людей тему наших дальнейших отношений с Наташей, усмехнулся я. – Может статься, что у такой красавицы на примете найдётся и более подходящая кандидатура. – Так давайте спросим, Николай Александрович! – широко улыбнулся мой заместитель. – Что вокруг да около ходить!

– Нет, Иван Ильич! – также полушутя-полусерьёзно отозвался я. – Повременим с этим делом до нашего возвращения: сейчас у девушки никакого выбора – одни стариканы вокруг!

На этом разговор прекратился, но Огнев, тем не менее, не преминул заговорщически подмигнуть мне – уж очень ему хотелось женить своего босса на молоденькой девчонке... Наташа отправилась к себе переодеваться, а я распорядился поставить воду в большом котле для рисовой каши и взялся чистить свежekoпчённую рыбу. Примерно через час с небольшим мы сели ужинать, и психологическая обстановка за столом, как, впрочем, и обычно, не оставляла желать лучшего. Между делом мы с Огневым обсудили некоторые хозяйственные дела, а в этом разговоре также принял весьма живое участие и наш доктор, всё больше интересующийся мелкими бытовыми проблемами – видимо, всерьёз готовился к предстоящей семейной жизни. К концу ужина «Дредноут» достиг того самого острова, где мы сделали в своё время стоянку для перекрытия бортовых проходов стеблями тростника, и откуда я со своей помощницей отправился в нашу первую продолжительную экскурсию. Здесь я распорядился бросить неуклюжий импровизированный якорь – песчаный островок, низкие берега которого обильно поросли тростником, очень подходил для моих занятий, и здесь также можно было восстановить ограждение бортов и навести порядок в нашем плавучем доме.

VIII

Мой заместитель, ещё задолго до того, как я закончил тренировку, организовал ремонт бортовых проходов нашего плавучего дома, а сам на пару с Василием отправился на охоту, переправившись через реку в надувной лодке. Скоро в той стороне я услышал лай одной из наших собак, а следом два выстрела, после чего всё стихло – похоже, что охота обошлась на этот раз без лишних приключений. Так и вышло на самом деле – выполняя упражнения на крыше «Дредноута», я глянул сверху на приближающуюся «надувнушку» и увидел в узком кокпите пару серо-белых мохнатых тушек – своего рода огромных (килограммов по тридцать-тридцать пять) кроликов, похожих одновременно и на кенгуру. Подобное животное поймал однажды Адмирал, когда мы с Наташей сделали остановку на большом притоке реки Ледниковой во время нашей первой экскурсии. К тому времени, как я закончил свои занятия и привёл себя в порядок, добычу успели освежевать, разделить, накормить собак, а лучшие части – порезать для задуманных отбивных. Мне не очень хотелось есть жареное мясо, но возражать я не стал – мои люди заскучали на одной рыбе за последние два дня (привыкли постоянно чередовать её с мясом). Отбивные получилось, впрочем, отличные – сочные, нежные, очень вкусные, с золотистой хрустящей корочкой, и от их двух (в паре малых котелков) внушительных горок через четверть часа не осталось и следа.

– Сразу отправимся дальше, Николай Александрович, – спросил меня уже за чаем Огнев. – Или прежде ремонт закончим?

– Пусть мужики доделают борта! – отозвался я, поймав вопросительный взгляд нашего юнга, которому обещал ранее помочь снять дистанционные управления со старых лодок. – Мы с Володей займёмся раскопками.

– Вдвоём отправитесь? – сразу поняв, о чём идёт речь, задал новый вопрос мой заместитель. – Или возьмёте ещё кого?

– Меня! – немедленно вставила Наташа, между делом весьма ловко (я даже засмотрелся) открывая консервным ножом банку со сгущённым молоком.

– Само собой, Наталья Андреевна! – охотно подчеркнул Огнев и опять обратился ко мне. – В земле-то копать, Николай Александрович... Не княжеское это дело! Возьмите хотя бы Сергея!

Мне осталось лишь согласиться – всё же в здешних краях любое дело нуждалось в хорошей охране, а среди нас лучше меня с этим, пожалуй, не справился бы никто. Мы отправились минут через двадцать, поручив мытьё посуды и уборку со стола Александру (Пётр и Василий теперь взялись в свою очередь за ремонт бортовых проходов), бросив в надувную лодку пару наших походных сапёрных лопат. За вёсла сел Сергей, мы с Наташей поместились на корме, а Володя с Адмиралом – на носу. Помимо своего обычного арсенала, я захватил полуавтоматическое ружьё, пару сменных магазинов к нему и пристегнул к поясу патронташ с двумя десятками патронов двенадцатого калибра – жизнь давно научила меня, что такая осторожность никогда не бывает излишней... Через реку мы переправились за несколько минут, а когда поднялись на сравнительно высокий берег и Володя с Сергеем взялись за раскопку лодок (среди густой травы виднелись лишь их днища), я внимательно оглядел густой перелесок, расположенный сразу за нашей поляной, за которым простиралась бесконечная зелёная саванна, с бродившими по ней целыми стадами незнакомых мне животных. Потом я не менее тщательно всмотрелся в густые заросли подходившее к самой воде (к линии тростника) выше и ниже нас по течению, но ничего опасного не обнаружил. Адмирал повертелся туда-сюда, шумно потянул носом воздух, пошевелил ушами и спокойно уселся у моих ног – похоже, что пока непосредственной угрозы для нас не было. Мои люди тем временем успели раскопать одну из лодок (наш юнга сильно окреп за прошедший год и любая работа теперь так и горела в его руках), и мне пришлось помочь

им, передав прежде ружьё Наташе, перевернуть нелёгкий дюралевый корпус, теперь оказавшийся в неглубокой яме. Ничего особенно интересного здесь мы, впрочем, не увидели – обычный, по-спартански оборудованный, кокпит старой дюралевой моторки, с жёсткими сиденьями (подушки для них мы почти сразу обнаружили в носовом багажнике) и самодельными сланями из бакелизированной (пожаро- и влагостойкой) фанеры. В носовом отсеке, помимо различных инструментов, походной кухонной утвари, спальных мешков и кое-какой одежды, обнаружился небольшой тяжёлый предмет, обёрнутый в промасленную упаковочную бумагу. По моему указанию, Володя положил его на носовую палубу откопанной лодки и осторожно развернул – я увидел блестящий от обильной смазки корпус компактной червячной лебёдки, рассчитанной, по-видимому, на весьма приличные нагрузки. Стальной трос на небольшом барабане, впрочем, был не более трех миллиметров толщины, но зато имел, похоже, семьдесят-восемьдесят (впоследствии выяснилось, что почти сто) метров длины, а рядом лежали две тщательно свёрнутые запасные бухточки.

– Эта штука нам нужна? – несколько озадаченно спросил Володя и взглянул на меня.

– Да, очень! – сразу кивнул я, забирая ружьё у своей помощницы. – Весьма приятная неожиданность! Я прежде делал ставку на наши неуклюжие рычажные лебёдки...

Где-то в перелеске послышался едва различимый шорох, в ту же секунду с рыком вскопчил прилёгший было на траву Адмирал, и я, краем глаза увидев взметнувшееся от ближайшего кустарника большое длинное светло-коричневое тело, выстрелил прямо от пояса (даже вскинуть ружьё не было времени), стараясь попасть в чудовищную голову, из пасти которой торчали длинные саблевидные клыки. Страшный хищник, получив почти полдюжины тяжёлых свинцовых пуль прямо в прыжке, умер, вероятно, ещё до того, как его мощные лапы коснулись земли, но могучее тело, состоявшее, казалось, из сплошных бугров мышц (отчётливо различимых под гладкой шкурой с короткой блестящей шерстью), судорожно забилося и покатилося прямо нам под ноги. Я оттолкнул Наташу и, отступив назад, выпустил в жуткого зверя остаток магазинной коробки, а затем в две секунды сменил его и дослал патрон в патронник. Через полминуты тело перестало биться, но его всё ещё сотрясала крупная дрожь, и Адмирал, со злобным рыком, напряжённой походкой, обходивший мёртвого хищника, предусмотрительно держался на расстоянии...

– Господи, Николай Александрович! – наконец едва выговорила моя помощница. – Что это за чудовище? Саблезубый тигр?

– Махайрод, – ответил я, разглядев характерные зубчатые грани на не таких уж и длинных (сантиметров пятнадцать) клыках, а также заметно удлинённые передние конечности (почти как у гиены) и короткий хвост. – Нужно уходить! Некоторые исследователи утверждают, что эти хищники нередко прибегали к коллективной охоте.

– Как же дистанционное управление, Николай Александрович? – тут же спросил уже пришедший в себя Володя. – Не братъ?

– Давай выламывай его живо! – проговорил я, за локоть придвигая к себе Наташу (она весьма охотно прижалась к моему плечу). – Серёга, помоги ему!

Вдвоём они без лишних церемоний, за несколько минут с помощью небольшого ломика, нашедшегося в багажнике и разводных ключей, где скрутили, а где сломали крепежи дистанционного управления и торопливо свернули его стальные тросики. Прихватив лебёдку, под прикрытием моего ружья все спустились к лодке и, часто оглядываясь, забрались в неё. Внимательно следя за обстановкой, я отступил назад, оттолкнул лодку ногой и только тогда запрыгнул в неё, а на своё место пробрался, когда Сергей отгрёб от берега на десяток метров.

– Надо было с него шкуру снять! – заявил Володя, едва мы приблизились к «Дредноуту». – Такое бы чучело вышло!

– Разве, что для твоего будущего дома, – отозвался я, поднимаясь с сиденья.

– В своём жилище никаких охотничьих трофеев я не потерплю!

На кормовой платформе нас встретили доктор и Огнев, сильно встревоженные недавней пальбой. В двух словах я рассказал о нападении свирепого хищника и распорядился готовиться к отплытию. Наташа отправилась к себе, а я, положив ружьё и патронташ в своей «каюте», проследил, чтобы обнаруженную в старой лодке лебёдку не запихнули слишком далеко – очень скоро она могла нам понадобиться. С берега убрали сходни, надувную лодку забросили на кормовой навес, вытянули «якорь» и завели мотор. Наш плавучий дом нехотя тронулся с места и поплыл дальше на север. Я хотел было спокойно постоять у восстановленных перил вблизи кормы, но ничего не вышло – сначала подошёл мой заместитель с некоторыми хозяйственными вопросами, а потом наш юнга, который занял своё обычное место у коптилен и спрашивал теперь, как лучше закоптить оставшееся, после приготовления отбивных, мясо. Получив мои рекомендации, Володя вернулся на нос плота, и скоро «Дредноут» вновь окутали привычные всем нам ароматы копчёностей. Чувствуя сильную усталость за все предыдущие дни, я решил отдохнуть пару часов и прошёл в свою каюту, где неожиданно для себя обнаружил Наташу, устроившуюся в самом изголовье моей лежанки.

– Хотите поговорить о последнем приключении? – спросил я, беря с полки коробку с патронами двенадцатого калибра, чтобы снарядить пустой магазин (по своей давней привычке всегда держать оружие в полной боевой готовности). – На этот раз, как мне показалось, вы почти не испугались...

– Вам показалось, – слабо улыбнулась в ответ моя помощница. – Не думаю, что, подобно вам, я когда-нибудь смогу привыкнуть к внезапным нападениям и неожиданной стрельбе...

– Дней через десять – двенадцать мы будем на борту «Странника», и вы сможете, наконец, как следует отдохнуть от всех потрясений, – заметил я, откладывая заполненный магазин и присаживаясь на лежанку рядом со своей собеседницей. – Там уж точно не будет опасных хищников и внезапной стрельбы...

– Мне кажется, что там тоже очень скоро произойдёт что-нибудь ещё и новые приключения не заставят себя ждать, – несколько устало проговорила девушка. – Наверное, мы с вами на пару привлекаем их!

– Предлагаете держаться подальше друг от друга? – с улыбкой спросил я, машинально беря её за руку. – Теоретически, тогда опасных приключений должно стать вдвое меньше...

– Мне без вас ни за что не справиться с такими напастями! – отозвалась Наташа, слегка пожав мою руку, а потом очень ловко переплетая наши пальцы. – Поэтому вам лучше и дальше внимательно приглядывать за мной.

Потом мы некоторое время молча сидели рядом, держась за руки, и меня совершенно неимоверно тянуло в сон, но я, понятно, не мог выпроводить девчонку за порог ради собственного отдыха. Наташа, похоже, также нуждалась во сне и как-то удачно сумела примостить голову на упругой поверхности бархатного дерева, а потом очень скоро и вовсе задремала. Минут десять я ещё крепился – не хотел тревожить свою молодую помощницу, а потом,глянув пару раз на открытые выше, чем следовало бы, очень приятной полноты ножки девушки (подумав прежде: «какого чёрта?»), тихонько высвободил пальцы из руки Наташи, придерживая свой арсенал, осторожно улёгся на топчан и положил голову на гладкое упругое девичье бедро. Оказалось очень удобно (даже лучше, чем я ожидал) – правда, мешали мои здоровенные пистолеты и нож у пояса, но подниматься для того, чтобы освободиться от своего вооружения, я, конечно, не стал, опасаясь разбудить девчонку. Я проспал около получаса, а потом чуть передвинул левую кобур, чтобы не врезалась в рёбра, немного повернулся и устроился несколько иначе – теперь прохладная нежная кожа бедра Наташи оказалась уже под моей щекой... Во второй раз я проснулся, наверное, минут через сорок, когда моя помощница слегка пошевелилась. Приподнявшись, я быстро глянул по сторонам, одновременно прислушиваясь, а правая рука автоматически потянулась к левой кобуре. На мою щёку тотчас легла тёплая девичья ладонь, осторожно потянувшая меня назад...

– Всё спокойно, Николай Александрович, – тихо сказала Наташа и с лёгкой улыбкой (я понял это по её голосу) добавила. – Пока вам незачем хвататься за пистолет!

Я вернулся на место и прикрыл глаза – спать уже не хотелось, но было очень удобно... Моя помощница не убрала свою ладонь, а другую руку положила мне на плечо – теперь меня можно было поднять лишь силой... Прошло примерно ещё с четверть часа, и я с невольным вздохом открыл глаза – на ужин моим людям было обещано непростое блюдо и пора было приниматься за дело.

– Вам было удобно, Николай Александрович? – немедленно спросила меня девушка. – К слову, я была очень приятно удивлена вашим новым «неожиданным поступком»!

– Очень удобно! – приподнимаясь, отозвался я. – До неприличия!

Немного повернувшись, я несколько раз поцеловал гладкую прохладную кожу округлого девичьего бедра, а потом, чуть подвинувшись, раз десять коснулся губами другой ножки...

– Можно ещё... – тихо сказала моя помощница, и я поцеловал каждое бедро ещё раз по двадцать с каждым разом всё горячее...

Выпрямившись – поза была очень неудобная, я чуть отодвинулся от девушки и поправил на себе весь свой арсенал. Я был очень недоволен собой за эту очередную выходку, но, как бы там ни было, вся моя стоическая выдержка вела лишь к тому, что мы неизменно становились всё ближе друг к другу – похоже, что высказывание «от судьбы не уйдёшь» имело в моём случае совершенно определённый смысл...

– Мы можем сделать это нашей традицией, – с улыбкой негромко проговорила Наташа. – На каждый день... Но у меня на этот счёт есть некоторые предложения...

– Вы можете в любой момент забраться ко мне на колени, не спрашивая на то разрешения! – заметил я, поднимаясь со своего места и подавая руку девушке – пора было заняться приготовлением ужина.

– Никогда не думала, что мужчина так хорошо может понимать девушку! – рассмеялась моя помощница, вставая с лежанки и кладя руки мне на плечи.

– А знаете, Николай Александрович... У меня почему-то всё время такое ощущение, будто я сбиваю с истинного пути праведника!

Обсуждать эту тему я не стал и, несколько раз поцеловав нежную шею девчонки (у неё всякий раз перехватывало дыхание), взял её за руку и повёл через склад в «кубрик», где нас ждали обычные кухонные хлопоты. Впрочем, моей милой помощнице пока предстояло лишь скрашивать своим присутствием окружающую нас суровую обстановку: капусту я поручил резать доктору, чистить морковь – Володе, а сам принялся замешивать крутое пельменное тесто. В «кубрик» заглянул Огнев, всё это время на пару с Сергеем, что-то подправлявший и крепивший в бортовых проходах.

– Надо бы до ужина пристать к берегу, Николай Александрович! – немного виновато (это у него мастерски получалось при общении со мной – даже справедливый гнев начальника на очередное ротозейство мгновенно снимал) проговорил он. – Дровишками не запаслись!

– Давай прямо сейчас, Иван Ильич! – отозвался я, уже управившись с тестом и накладывая резаную капусту в один из котлов для тушения. – Нам на готовку ужина много огня понадобится. Вот только останавливаться теперь будем только у правого берега.

– Думаете, опять столкнёмся с нашими волосатыми знакомыми? – спросил доктор, продолжая ловко разделять очередной кочан капусты. – Возможно! – кивнул я, добавляя в котёл тёртую морковь, резаный лук, растительное масло и ещё кое-какую мелочь, а потом жестом показывая Володе, чтобы он поставил его на огонь. – Сегодняшний зверь уж слишком нагло набросился на нас...

– Вроде как уже попробовал человечины? – догадался мой заместитель. – Местные дикари, видать, пришились по вкусу!

– А на правом-то берегу, Николай Александрович, полагаете, безопасней будет? – задал Козырев новый вопрос, потянувшись за очередным кочаном.

– Можно поручиться, что наши волосатые друзья не любят переправляться через реки, – сказал я, наполняя капустой второй котёл. – Это касается и саблезубых кошек, а другого племени, скорее всего, поблизости нет.

– Да, Николай Александрович... – озадаченно протянул Огнев. – Призадуматься вы меня заставили... Надо бы нам с охотой-то быть поосторожней: лучше вовсе зверя да птицу прямо с плота брать – здесь это проще простого!

– И с дровами тоже поосторожнее! – продолжал я «работу с кадрами». – Двое рубят, а двое – с ружьями на охране и только с собаками! Сам за людьми внимательней приглядывай, Иван Ильич! Следи, чтобы не расслаблялись.

– Не оплошаем, Николай Александрович! – заверил меня заместитель. – Теперь никак нельзя – с таким-то богатством!

Мне оставалось лишь надеяться, что так оно и будет на самом деле, пусть и считали мои люди наше путешествие приятным и лёгким времяпровождением. Через четверть часа «Дредноут» сделал остановку у правого берега, на узкую песчаную полосу пляжа сбросили сходни, по которым сошли трое наших мужиков (Александр остался дежурить на плоту) и мой заместитель. Пока они пилили на чурки обнаруженное неподалёку сухое дерево, доктор принялся прокручивать на мясорубке тушёную капусту, а мы с Наташей лепить пельмени. Володя тем временем поставил воду в двух котлах, и, когда наши дровосеки вернулись на борт, мы успели загрузить первую партию изделий. Варились они очень быстро – всё же здесь была не мясная начинка, и мы едва успевали подготавливать очередную партию. К готовым изделиям я развёл сразу две упаковки сухого сливочного масла, и, едва наш плавучий дом отчалил от берега, мои подчинённые, свободные от дежурства, уселись за стол. Торопливо управившись с салатом, все с большим энтузиазмом принялись за очередное новое блюдо. Вкус его, конечно, был иным, нежели с начинкой из квашеной капусты, но, тем не менее, не оставлял также желать лучшего и, как у нас уже, похоже, вошло в традицию, через несколько минут мои люди один за другим стали протягивать тарелки для добавки. В самый разгар ужина я было попытался уйти к себе, но Наташа тут же тронула меня за локоть и попросила остаться.

– Я и без того слишком много месяцев провела одна среди наших мужиков...

– тихо проговорила она, придвинувшись ко мне. – Вам надо теперь как можно больше времени находиться рядом со мной, в счёт компенсации...

– Опасаюсь надоесть, – чуть улыбнулся я, поднимаясь, чтобы поставить воду для чая. – Мы с вами опять становимся неразлучными.

– Вы не сможете надоесть и за сто лет! – улыбнулась и моя помощница. – Не думаю, что хоть одна девчонка скучала в вашем обществе...

Я заварил чай на всю команду, но все мои подчинённые так хорошо закусали пельменями с капустой, что их уже не заинтересовало разложенное в герметичных пакетах на столе печенье, и они ограничились лишь кружкой-другой горячего напитка. Мы же с Наташей, положившие на свои тарелки весьма умеренные порции главного блюда, прибавили ко всему ещё банку со сгущёнными сливками, как главные сладкожеки, и упаковку печенья. Пока моя помощница распоряжалась, очень даже уверенно командуя моими людьми, уборкой со стола и мытьём посуды, я отправился в свою «каюту» и после обычных гигиенических процедур лёг отдыхать.

IX

После сна, когда я только начинал свои занятия, наш плавучий дом сделал остановку у небольшого песчаного островка, на который выпустили собак для прогулки, а я сошёл на берег для умеренной (на сегодня) пробежки. Через полчаса я планировал продолжить путь, но едва поднялся на крышу сруба для занятий йогой, как обнаружил, что с севера приближается тропическая гроза, и без того заставившая ждать себя несколько дней. Пришлось распорядиться срочно крепить «Дредноут», подтянуть буксируемую лодку вплотную к корме, снять двигатели с неё и плота, а также перекрыть все заслонки на окнах. Гроза разразилась, едва я успел закончить малую тренировку – грохоту и вспышек молний было, как всегда, ужасающе много, а дождь хлестал почти полчаса с невероятной яростью так, что вокруг брёвен плота скоро забурила вода, а наш плавучий дом всё время содрогался, то от шквальных порывов ветра, то от ударов плывущих по реке (скорость течения, ещё не достигавшая здесь и километра в час, увеличилась во время ливня многократно) обломков деревьев. Впрочем, ставшие всем нам уже привычными такого рода природные катаклизмы не помешали лёгкому обеду (я приготовил пшённую кашу, добавив в неё кусочки зрелой дыни и нажарил лепёшек), а потом и текущим работам на борту: кто-то был занят мелким ремонтом одежды, дежурные наводили порядок во всех помещениях, я и Наташа в своих «каютах» возились с личным гардеробом (только что сшитый для помощницы комплект я, по её просьбе, прогладил собственноручно), а Володе я поручил провести обслуживание снятого перед грозой с транца плота мотора. Часа через три, когда вода успокоилась и река вернулась в прежнее русло, мы тронулись дальше, а я, после часового отдыха, принялся за пошив для Наташи очередного комплекта, теперь уже бежевого цвета. Самой моей помощнице в этот раз не удалось расположиться, как уже стало входить у девчонки в привычку, на моей лежанке и наблюдать за работой – Огнев, от лица всей нашей команды, вновь заказал пироги с рыбой (которой у нас вечно было благодаря доктору в избытке), и Наташе, на пару с братом, пришлось заняться приготовлением начинки, а потом также и ставить тесто. Когда пришло время лепить пирожки, я присоединился к ним и с беспокойством отметил, что растительного масла осталось совсем мало – при таком расходе его могло хватить, от силы, на два-три дня.

– Ничего страшного, Николай Александрович! – попытался утешить меня заместитель. – Скоро мы будем в местах, где водятся кабанчики, и добудем парочку-другую пожирней!

– Ты мне, Иван Ильич, не так давно обещал брать зверя прямо с плота! – отозвался я, формируя (как обычно, вручную) сочни для пирожков. – А то я не забыл, как вы на пару с Василием на кабанов ходили!

– Так вроде бы всё благополучно завершилось! – рассмеялся Огнев – напоминание о давнем теперь уже эпизоде лишь прибавило ему настроения.

– Доктор на Василия даже больше страху нагнал, чем рассвирепевший кабан!

– От такой замечательной рыбалки не хотел отрываться! – усмехнулся врач, внимательно наблюдая за тем, как я быстро леплю пирожки – Наташа накладывать начинку не успевала. – Это теперь немного поостыл...

– Я тут грешным делом, Олег Сергеевич, слышал, что ты жениться задумал? – глянул на Козырева мой заместитель. – Жаль такого замечательного рыбака терять для следующей экспедиции!

– Ты бы, Иван Ильич, лучше сказал, что врача отличного теряем! – заметил я, продолжая заниматься лепкой, а Володя и Наташа, тем временем, перенесли часть уже подошедших изделий поближе к раскалённым сковородкам. – Как-то нетактично у тебя получилось!

– Да я и не обиделся, Николай Александрович! – снова усмехнулся врач. – Народ у нас подобрался – один здоровее другого, да вы им ещё расслабляться не даёте – ни травм, ни болезней, вот и получается, что я хоть как не при деле!

– Так может, Олег Сергеевич, возьмишь с собой молодую супругу в следующую экспедицию? – полушутя-полусерьёзно предложил Огнев. – Хорошее получится свадебное путешествие – не заскучаете, да и впечатлений масса...

– Впечатлений хоть отбавляй! – согласился врач, принимая шутку. – Вот только каютка у меня тесновата – вдруг поругаюсь с женой? Разве что у Николая Александровича выпросить гостевую?

– Каюту предоставляю! – улыбнулся я, вновь берясь за лепку. – Но само путешествие тебе прежде предстоит согласовать с будущей главой семьи!

За этой приятной дружеской болтовнёй незаметно подошло время ужина, и все уселись за стол (за исключением, конечно, двух дежурных), в центр которого поставили два ведёрных котла, наполненных до краёв, свежими, с хрустящей золотистой корочкой пирогами. Без салата на этот раз не обошлось, хотя перед ним кое-кто и успел перехватить пирожок-другой. В самый разгар ужина я опять сделал попытку уйти раньше и снова уступил просьбе своей помощницы посидеть ещё немного. Тем не менее, я всё равно поднялся из-за стола прежде остальных и ушёл к себе, чтобы хорошо отдохнуть – как знать, какие неожиданности преподнесут ближайшие дни.

Время отдыха прошло спокойно, и к тому времени, когда «Дредноут» ближе к условному «утру» сделал очередную остановку у выбранного мною ещё одного песчаного (также окружённого зарослями тростника) островка, мы миновали от устья нашей реки, по самым скромным подсчётам, более трёхсот километров. Здесь было заметно прохладней – температура не превышала двадцати пяти градусов тепла, и характер растительности на берегах начал постепенно меняться. Течение реки стало ощутимей и, соответственно, скорость нашего плывучего дома начала снижаться – перед остановкой «Дредноут» делал не более двух с половиной узлов. Едва закончив большую тренировку, я распорядился продолжать путь, но ещё до того, как плот тронулся с места, Василий, дежуривший у двигателя, удачно подстрелил сразу четырёх крупных белых птиц, перелетавших реку прямо над островком, переполошив двумя неожиданными выстрелами всю нашу команду. Охотничьи трофеи осталось лишь подобрать на островке: двоих прямо с песка и ещё пару в береговых зарослях тростника. Распорядившись всем свободным от других дел заняться птицами, я осторожно спустился в воду и немного поплавал около плота (скорость его была очень умеренной и я без особых усилий догонял его вплавь), стараясь держаться подальше от работающего двигателя.

– Николай Александрович! – окликнула меня с кормовой платформы Наташа.

– Можно к вам?

– Ни в коем случае! – отозвался я, подплывая ближе и хватаясь за основание стойки кормовых перил. – Вы у меня теперь на особом положении!

– Под домашним арестом? – рассмеялась девушка, пытаясь мне помочь взобраться на платформу.

Осторожно отстранив поданную мне руку, я легко подтянулся и через секунду одним движением выбрался на плахи палубы. Быстро поднявшись на ноги, я, сохраняя некоторую дистанцию (с меня ручьями текла вода), коснулся губами щеки своей помощницы, чтобы она не вздумала обижаться на меня за отказ от помощи.

– Я хочу, чтобы вы теперь всегда целовали меня при встречах и расставаниях, пусть даже и совсем коротких! – немедленно довольно серьёзно заявила девчонка, а потом уже с улыбкой добавила. – Пока не доберёмся до «Странника»...

– Вот как! – даже несколько насторожившись, сказал я. – Пока?

– Просто потом вы это станете делать перед сном и сразу после него... – чуть смущённо улыбнулась она, и её нежные щёки слегка порозовели. – У вас есть возражения, Николай Александрович?

– С вашего разрешения, я просто промолчу! – улыбнулся я и, стараясь избежать очередного опасного разговора, поднёс к губам её руку. – Но, так или иначе, моя милая помощница, дай вам Бог счастья!

Мне подумалось в эту минуту, что в своём стремлении хоть как-то контролировать сложившуюся ситуацию, я нахожусь в очень непростых условиях, потому что вынужден противостоять сразу двум противникам: очаровательной девчонке, которая ни думать, ни слышать не желала о каком-то там расставании, и самому себе, по сути дела, полностью солидарного с ней, причём последний из-за своей силы был куда более опасным... Минут через двадцать я уже распоряжался на нашем походном «камбузе»: двух тщательно ошипанных и выпотрошенных птиц (разрезанные пополам каждая) определил в коптильни, а пару оставшихся, предварительно разделанных на не слишком крупные куски, заложили в два больших котла, которые поставили на огонь. Без дела мне, однако, в ожидании, когда получится наваристый бульон, сидеть не пришлось: сначала поставил тесто для лепёшек, а потом в отдельном котелке сварилась печень птиц, и мне пришлось поручить доктору прокрутить её на мясорубке – для паштета, что я готовил где-то в этих же краях примерно год назад. Сделать мне его (как и тогда) удалось намного раньше, чем сварилось птичье мясо в ведёрных котлах, поэтому все вновь собрались вокруг стола, чтобы попробовать паштет вместе со свежими лепёшками. Возможно, что и в этот раз мне бы так не и удалось узнать его вкус, если бы не Наташа, которая бесцеремонно отложила для меня часть этого довольно редкого для нас блюда в отдельную тарелку. Как оказалось, моё произведение имело весьма изысканный вкус и могло с честью соперничать с изделиями лучших поваров. Через полчаса подоспел бульон, в который я добавил свежей зелени, а к нему – очередная партия лепёшек, и мы сели за роскошный обед (помимо салата из свежих овощей, бульона и вареного мяса присутствовали копчёности как из рыбы, так и из птицы, ещё горячие лепёшки, остатки паштета и к чаю – печенье нескольких видов, шоколадные конфеты и, конечно, сгущённое молоко). Все мои подчинённые закусили как следует (когда ещё в походных условиях будет такой богатый стол), и лишь я – очень умеренно, а потом, не дожидаясь чая, поднялся раньше всех и отправился в свою «каюту», чтобы закончить для своей помощницы ещё один комплект – ясно было, что ей очень скоро понадобится более практичная одежда, чем лёгкие рубашки и короткие юбки... Примерно через четверть часа после того, как я взялся за это дело, вошла Наташа с подносом – дощечкой, на котором стояли наши с ней кружки и маленький котелок со свежим кофе. Мне пришлось сделать перерыв и освободить край стола – моя помощница без промедления поставила на него кружки и тут же наполнила их горячим напитком.

– Сядьте подальше от окна, Наташа, – попросил я, слегка передвигая скамейку. – Пусть это войдёт у вас в привычку на всю жизнь...

– Вы думаете, сюда опять может влететь какой-нибудь предмет? – с лёгким беспокойством переспросила меня девушка, пересаживаясь в уже облюбованный ею угол. – Приключения продолжаются?

– На моей памяти, как камни, так и другие предметы много раз влетали в открытые и закрытые окна домов, а также всех видов транспортных средств, включая самолёты на взлёте-посадке и теплоходы вблизи берега или других судов, – отозвался я, опять переставляя скамейку – на пороге появился Адмирал, и ему также требовалось место. – Жить в физическом мире опасное занятие, моя милая помощница!

– Я заметила это, Николай Александрович! – легко рассмеялась девчонка. – Но самое безопасное место, как однажды сказал капитан вашей яхты – это рядом с вами! Вот я и стараюсь держаться поближе к своему... шефу...

Против одного из окон-бойниц моей «каюты», что-то с шелестом ткнулось в подсохшие стебли тростникового перекрытия бортовых проходов, и следом послышался негромкий всплеск. Поймав вопросительный взгляд собеседницы, я покачал головой и прислушался – шелест и всплеск почти сразу повторились, а на носу кто-то из мужиков (кажется, Сергей) громко вскрикнул и весьма сдержанно (в моём присутствии даже наши бородачи стеснялись использовать крепкие выражения) выругался. Адмирал вскочил, а я, поставив кружку с кофе, потянулся было за ружьём, но, услышав не слишком торопливые шаги вдоль борта, оставил оружие в покое... Через несколько секунд в дверном проёме появился мой заместитель, смущённо погладил свою густую бороду, как он всегда делал, заставляя нас с Наташей наедине, кашлянул и виновато доложил:

– Обезьяны кидаются плодами, Николай Александрович, чёрт бы их побрал! Сереге прямо в лоб прилетело... Даже не знаю, что и делать...

– Надеюсь, съедобные? – машинально спросил я (Наташа засмеялась).

– Обезьяны? – озадаченно переспросил Огнев.

– Плоды, конечно, Иван Ильич! – обречённо вздохнул я и добавил. – Скажи мужикам: пусть тоже швырнут в них что-нибудь!

– Посмотрим на них, Николай Александрович? – предложила Наташа и улыбнулась. – Наверное, это не очень опасно!

Кивнув, я поднялся со скамейки (ружьё брать, конечно, не стал), и мы втроём, не считая Адмирала, вышли на кормовую платформу. На плахах здесь лежало десятка полтора жёлто-зелёных плодов размером с крупный апельсин, а Пётр, державший румпель, старательно скрывался за ограждением из обломков плах, не так давно сооружённого нами. «Дредноут» двигался на расстоянии примерно восьми – десяти метров от обрывистого правого берега с подступавшей прямо к самому его краю густой зелёной чащey, представлявшей собой невысокие деревья, переплетённые лианами, и очень густой подлесок. По ветвям и лианам носилось множество крупных (несколько крупнее шимпанзе) обезьян с густым рыжеватым мехом – мы уже встречали их во время спуска по нашей реке. Обезьяны издавали совершенно немыслимые звуки (цоканье, пронзительные возгласы и неприятные лающие выкрики, напоминавшие придурковатый смех), отчаянно жестикулировали и корчили жуткие рожи, не забывая осыпать наш плавающий дом целым ливнем местных плодов (благо, что достаточно мягких). Дважды уклонившись от этих упругих метательных снарядов, я подобрал с палубы самый крупный плод и, недолго думая, запустил его прямо в ближайшую обезьяну, разинувшую рот и заливающуюся идиотским хохотом. Плод влетел прямо в широко раскрытую пасть, и жуткий звук мгновенно оборвался – обезьяна вытаращила глаза и схватила за морду, отчаянно пытаясь извлечь прочно застрявший фрукт... «Обстрел» плота немедленно прекратился – обезьяны обеспокоено забегали по лианам, издавая тревожные возгласы, а одна из них даже стала суетливо попытаться помочь пострадавшему сородичу извлечь плод из пасти. Преследовать вдоль берега они нас больше не стали, и через несколько минут вся шумная орда осталась далеко позади.

– Да, всего и дел-то! – покачал головой мой заместитель. – А я уж собирался «бекасинником» пару раз пальнуть...

– Боеприпасы надо экономить, Иван Ильич! – отозвался я, направляясь обратно в «каюту». – Сам знаешь, какие тут есть зверюги – чтобы остановить, иногда целого магазина едва хватает!

Вернувшись в «каюту», я допил кофе и принялся за работу – следовало спешить, потому что через два-три дня подобных мелких проблем, скорее всего, сильно прибавится, и тогда уже трудно будет уделить время чему-нибудь другому. Наташа опять устроилась в самом углу – мои нотации не прошли бесследно, а потом сбросила кроссовки (на плоту она почти не носила свои сапожки) и забралась на лежанку с ногами, следуя своей уже давней привычке. Некоторое

время мы молчали, но мою помощницу это мало устраивало, тем более что лёгкий стрёкот швейной машинки и очень умеренный гул двигателя на корме позволяли почти не повышать голоса.

– Скоро можно будет примерять? – поинтересовалась она, наблюдая за моими действиями.

– Часа через полтора, я думаю... – отозвался я, прострачивая очередной шов.

– Может быть, даже успею завтра-послезавтра сшить для вас ещё пару мелких вещиц...

– Мне все это время ужасно не хватало халата, – поделилась девушка. – Из той приятной ткани, что вы использовали для пошива моего белья...

– Вам следовало попросить об этом раньше... – несколько рассеянно отозвался я, не прерывая своего занятия. – Теперь мы сможем сшить его лишь на борту «Странника»... Сделаем его подлиннее – до самого пола?

– Нет! – рассмеялась моя собеседница. – Сошьём так, как нравится вам – насколько возможно короче! Мне всё равно не расхаживать в нём при посторонних!

Смолк двигатель – подошла к концу очередная канистра с топливом, и сразу ощутимо снизились обороты электропривода швейной машинки, перешедшего на питание от аккумуляторов. Закончив длинный двойной шов, я решил сделать небольшой перерыв – при работе с костюмной полушерстяной тканью, сложенной в два-три слоя (двойной шов с подгибом), мощности теперь не хватало. Облокотившись правой рукой о столик, я пару минут задумчиво смотрел на свою помощницу (Наташа под моим пристальным взглядом в удивлении широко раскрыла свои замечательные глаза), пытаясь представить себя мужем молоденькой девчонки, но ничего из этого не получилось – возможно, здесь сыграло свою роль моё отрицательное отношение к браку вообще, а может быть, и наша тридцатилетняя разница в возрасте...

– Вас смущает моя молодость, Николай Александрович? – весьма серьёзно спросила девушка. – Мне кажется, что в глазах мужчины это не может выглядеть недостатком!

– Молодость – самый исправимый из недостатков... – улыбнулся я, одновременно стараясь вспомнить имя автора этих слов, но потом оставил безнадежные попытки и добавил. – Но в данном случае меня больше занимает собственная зрелость!

– У вас замечательный возраст, Николай Александрович! – улыбнулась мне очаровательная собеседница. – И, учитывая ко всему ваши неисчислимые достоинства, вы можете без малейших колебаний сделать предложение молодой девушке с полной уверенностью, что оно будет немедленно и с восторгом принято!

Меня окликнул Пётр – с мотором опять начались проблемы, и я, вздохнув (наши горемеханики почему-то совершенно не разбирались в двухтактных двигателях), извинился перед Наташей, поднялся и вышел на корму.

Х

Возня с мотором заняла неожиданно много времени: сначала пришлось промыть всю топливную систему, но после пробного запуска выяснилось, что плохо работает водяной насос – на этот раз пришлось снять двигатель с транца, отсоединить редуктор от дейдвуда и заменить резиновую крыльчатку помпы, а в завершение (после установки мотора на транец и очередного запуска) я обнаружил, что погнут вал гребного винта (когда это случилось – оставалось лишь только догадываться), и пришлось вновь снимать «Вихрь» с транца и разбирать редуктор – хорошо, что запчастей было более чем достаточно.

Встревоженные длительной остановкой, на кормовой платформе стали собираться по одному почти все члены экспедиции: мой заместитель, доктор, Наташа и кое-кто из мужиков, а потом на ставшую тесной площадку, выбрался даже Адмирал. Появился Володя и спросил, что готовить на ужин – так много времени занял у меня ремонт мотора. Получив мои распоряжения (на ужин я рекомендовал гречневую кашу с добавлением фарша из мяса птицы), наш юнга отправился на «камбуз» и попросил по пути сестру помочь, а я продолжил возиться с двигателем.

– Николай Александрович! – не выдержал наконец мой заместитель. – У нас же два механика!

– У них узкая специализация! – отмахнулся я. – Разбираются лишь в судовых дизелях! С трудом...

Минут через двадцать «Вихрь» вернули на транец плота и после нескольких неудачных попыток всё-таки запустили. Выбрали якорь, на который поставили «Дредноут» во время ремонта мотора, дали передний ход, и наш плавучий дом, преодолевая всё ещё лёгкое встречное течение, медленно двинулся на север. Пока наша молодёжь готовила ужин, я, воспользовавшись тем, что меня пока никто не отвлекает, вернулся в «каюту» и примерно в течение часа успел полностью закончить второй комплект для своей помощницы – оставалось лишь прогладить готовые изделия. Осмотрев брюки и жилет, убрав лишние нитки и начав наводить порядок на столе, я услышал голос Огнева, звавшего меня на нос. Выйдя на корму, я задержался здесь на пару минут, чтобы прислушаться к звуку работающего двигателя и, не уловив ничего подозрительного, собрался было пройти бортовым проходом на нос, но меня позвал Сергей, недавно сменивший Петра за румпелем мотора, и, когда я оглянулся на него, кивнул на левый берег реки, в этом месте представлявший собой пологий песчаный пляж (густой лес начинался сразу за его полосой шириной метров в пятнадцать). Вдоль кромки влажного песка двигалось неуклюжей походкой около десятка здоровенных волосатых человекоподобных существ, вооружённых дротиками, дубинками и, кажется, каменными топорами – наши старые знакомые, с которыми мы столкнулись сразу после постройки и спуска на воду «Дредноута» по пути сюда. Ширина реки здесь составляла примерно двадцать пять – тридцать метров, а наш плавучий дом плыл прямо по центральной части русла; мы, похоже, находились в пределах досягаемости любого метательного оружия, брошенного сильной и умелой рукой. Скорость плота относительно берега теперь на глаз едва превышала два узла, и наши очередные «доброжелатели» могли не особенно спеша, даже «вразвалочку», сопровождать нас, терпеливо выжидая удобного момента для нападения.

– Голову, Серёга, из-за досок не выставляй! – посоветовал я мужику, который был совсем неплохо укрыт ограждением из плах.

Двинувшись на нос плота в сопровождении Адмирала левым бортовым проходом, я отметил, что снаружи, сквозь многочисленные щели в тростниковой стенке, можно легко различить силуэты людей – нам, пожалуй, теперь следует поостеречься ходить здесь и чаще пользоваться центральным ходом (через склад). Оказавшись в кубрике, я обнаружил, что половина

моих подчинённых глазеет сквозь окна-бойницы на сопровождающую «Дредноут» компанию, и несколько раздражённо распорядился немедленно убрать физиономии из оконных проёмов.

– Я тут пару ружей с «бекасинником» приготовил, Николай Александрович! – сообщил мне Огнев, кивая на разложенные прямо на столе полуавтоматы. – На всякий случай...

– Приготовь-ка, Иван Ильич, ещё пару с крупной картечью! – хмуро сказал я, придвигая ногой к столу скамейку. – И тоже держи под рукой...

– Думаете, Николай Александрович, могут напасть? – тут же обеспокоено спросил доктор.

– Да уж наверняка при первом удобном случае набросятся! – ответил за меня мой заместитель. – Помнят, видать, как Николай Александрович их лесинной отделал!

– Что-то тревожная нам обратная дорога выдалась! – заметил Козырев. – То одно, то другое...

– Не волнуйся, Олег Сергеевич, прорвёмся! – усмехнулся Огнев. – С таким шефом-то! Ещё погуляем по возвращении на ваших свадьбах.

По моей команде стали накрывать на стол (ружья, конечно, убрали, но держали под рукой: Огнев – на коленях, Василий – на топчане, рядом с собой) – всё было давно готово. За ужином на этот раз не было обычного оживления: мои люди были молчаливы, тревожно переглядывались и постоянно косились в сторону окон, выходивших на левый берег. Устали, похоже, от приключений так, что даже стоя орущих и корчащих рожи обезьян привела их в смятение – чего же было ждать при появлении целой орды свирепых каннибалов?

– Что-то вы все словно на поминках! – не выдержал наконец я этой гнетущей атмосферы. – Ты, Иван Ильич, хоть анекдот расскажи людям, что ли!

– Да я бы рад, Николай Александрович! – хитро усмехнулся мой заместитель.

– Да вот только что-то ни одного приличного анекдота не припомню, а у нас тут Наталья Андреевна сидит, девица исключительной порядочности – не в пример другим нынешним, которые, бывало, такое загнут, что портовые грузчики краснеют!

Наташа рассмеялась, улыбнулся и я, усмехнулись в бороды Пётр и Василий, а сидевший напротив нас с мрачной физиономией доктор неожиданно хмыкнул – даже ложками все заработали как-то веселее. Поводов для паники, безусловно, не было – мы были хорошо вооружены, двигались по воде на некоторой дистанции от берега и должны были рано или поздно избавиться от неприятного соседства местных дикарей, которые через час-другой устанут, месить лопатообразными ступнями береговой песок.

– Мотор бы вот только не сдал... – очень некстати вдруг оборонил доктор. – Тогда они, глядишь, и в воду полезть не поленятся...

– Ну и что с того, Олег Сергеевич? – опять усмехнулся Огнев. – Забыл ты, видать, как Николай Александрович всю их ораву в прошлый раз одним колом разогнал?

– Так-то оно так... – буркнул опять помрачневший Козырев. – Но Николаю Александровичу тоже отдыхать надо...

– Ничего страшного – подежурю немного, пока наши приятели не отстанут! – спокойно сказал я, поднимаясь из-за стола. – А вам всем, как порядок здесь наведёте (здесь я глянул на свою помощницу, которая последнее время распоряжалась уборкой) – отдыхать! Если будет какой-нибудь шум – спросонья за ружья не хватайтесь! Случалось уже при мне – с перепугу и со сна люди друг в друга палить начинали.

– Может, забрать лишние ружья-то, Николай Александрович? – сразу встревожился мой заместитель. – А то нервные все стали очень – так, глядишь, и до беды недалеко!

– Не стоит! – уже с порога склада отозвался я. – С оружием всегда спокойней спится, просто головы терять не нужно.

Выйдя прежде на корму, я несколько минут наблюдал сквозь тростниковую стену за сопровождавшими нас дикарями, которые продолжали упорно идти рядом с «Дредноутом»,

легко преодолевая неровности берега, но пока не высказывая особых враждебных намерений. Потом я занялся своим гардеробом: что-то постирал, что-то почистил, а что-то прогладил. Когда отутюживал новый комплект своей помощницы, вошла Наташа и попросила разрешения прилечь на моей лежанке (даже закрытые ставнями окна собственной «каюты», обращённые в сторону дикарей, не внушали ей доверия). Взяв с меня обещание, что я сразу разбужу её, когда сам соберусь спать, моя помощница устроилась поудобней и очень скоро задремала под лёгкий гул подвесного мотора, а я незамедлительно укрыл девчонку махровым покрывалом – она вздумала лечь спать в своей самой короткой бежевой юбке (моя стоическая выдержка продолжала подвергаться испытаниям)... Закончив возню с одеждой, я присел к столику, взял ежедневник и стал делать записи сразу за несколько прошедших дней, особенно наполненных событиями. Несколько раз я отрывался от путевого дневника и в глубокой задумчивости смотрел прямо перед собой куда-то в пространство, видя отнюдь не эти суровые серые стены из бархатного дерева и не аскетическую обстановку своего тесного помещения, напоминавшего монашескую келью – перед моими глазами вставали яркие картины и целые эпизоды из далёкого невозвратного прошлого, наполненного самыми опасными приключениями и совершенно невероятными событиями... Через час с небольшим я вновь вышел на кормовую платформу, кивнул всё ещё сидевшему за румпелем Сергею (его должны были сменить с минуты на минуту), а потом бросил сначала взгляд сквозь тростниковую стену в сторону наших преследователей, но, не обнаружив их, выглянул из-за ограждения и осмотрелся уже более внимательно. Левый берег сейчас очень круто обрывался к воде, а к самой кромке его подступала почти непроходимая чаща местного леса – двигаться пешком вдоль реки здесь было совершенно невозможно, и, надо полагать, обезьянолюди в конце концов прекратили свое упорное преследование, если, конечно, не избрали какой-нибудь другой, более лёгкий путь... В целом русло реки Ледниковой не отличалось особой извилистостью, но, тем не менее, оба её берега с неизменным постоянством поочерёдно становились то выпуклыми, то вогнутыми, и в соответствии с этим менялись характер течения и распределение глубин в русле. Впереди, не далее как в полукилометре, уже можно было разглядеть, что сейчас обрывистый (подмываемый) левый берег, плавно переходил в очередной песчаный пляж (становился наносным) и, следовательно, фарватер также здесь уклонялся от левого берега к правому. Вернувшись в каюту, я по возможности тихо прикрыл ставни на окнах, взял с полки футляр с биноклем и снова вышел наружу, задвинув за собой неуклюжую створку двери. Жестом велел Адмиралу, расположившемуся, по обыкновению, в проходе, оставаться на месте, я прошёл вдоль правого борта на нос, где сейчас дежурил мой заместитель, подобно мне ожидающий новых неприятностей.

– Приятели-то, Николай Александрович, опять объявились, – тихо, чтобы не потревожить спящих членов экспедиции, сообщил мне Огнев. – Снова воевать придётся?

– Бог с тобой, Иван Ильич! – усмехнулся я, поднося к глазам бинокль. – Полдюжины пинков и несколько ударов палкой – вот и все военные действия! Сам, главное, не высывайся и собак в «кубрик» уведи!

– Справитесь в одиночку-то, Николай Александрович? – с едва уловимым сомнением в голосе спросил мой заместитель.

– Шутишь, Иван Ильич? – отозвался я, разглядывая тёмные массивные фигуры на уже близком пляже левого берега. – Пара дубинок у тебя найдётся?

– Я тут недавно два новых топорика выстрогал... – как-то не слишком уверенно проговорил Огнев. – Пойдёт?

– В самый раз! – теперь уже недобро усмехнулся я. – Неси!

До наших давних «приятелей» оставалось не более сотни метров, когда мой заместитель, успев завести собак в «кубрик» и плотно прикрыть за ними дверь, подал мне пару хорошо проструганных и отшлифованных здоровенных топорищ – они будто сами собой легли мне в ладони...

– Двигай на корму, Иван Ильич! – распорядился я. – Присмотри, чтобы мы прошли поближе к правому берегу, но не зацепились за что-нибудь бортом или мотором! Да голов оба не показывайте!

Огнев кивнул и торопливо пошёл правым бортовым проходом, а я, проводив его взглядом, убрав бинокль в футляр и повесив на колышек, вбитый в стойку навеса, вышел на открытую (заострённую) часть носовой платформы. Когда дистанция между плотом и аборигенами сократилась метров до двадцати, четверо из них вошли в воду по пояс, а пятеро – по колено (всего их было девять), причём последние встали в боковую позицию и поудобней перехватили дротики с каменными листовидными наконечниками. Дротик в умелых руках – весьма грозное оружие, и после правильного броска летит на расстояние, раз в двадцать превышающее его длину. Помня об этом, я встал поудобней – вполоборота, выставив перед собой оба топорщица и автоматически двинул правой ступнёй туда-сюда, чтобы проверить, как держатся подошвы сапог на настиле из плах... Четверо зашедших в воду по пояс держали наготове тяжёлые каменные топоры на длинных (около метра) рукоятях, и я успел отметить, что массивные, совсем неплохо сработанные и угрожающе-острые орудия крепятся к топорщицам с помощью особым образом накрученных кожаных ремней.

Трое бросили дротики почти одновременно, с дистанции метров в десять (едва «Дредноут» поравнялся с этой группой первобытных охотников) – два я отбил топорщицами, а от третьего легко уклонился. Ещё два полетели в мою сторону спустя несколько секунд – на этот раз я пригнулся, и оба опасных предмета воткнулись в левую стойку навеса. После этой атаки все дикари ринулись к нам почти одновременно (те, что метали дротики, схватились за висающие на ремнях за спинами здоровенные дубинки) – как не прижимали Огнев с Сергеем плот к противоположному берегу, глубина у нашего правого борта оказалась нападающим лишь по плечи... Первые трое каннибалов, сунувшиеся на нос, получив сильнейшие удары сапогами прямо в жуткие физиономии (я чаще всего наносил все виды ударов ногами в любой из уровней, используя каблуки и до предела «беря» носок на себя), выронив топоры, со сдавленными хриплыми выкриками и сильными всплесками рухнули обратно в воду – они теперь были уже не в счёт, а ещё двое, протиснувшиеся сквозь ограждение правого борта (здесь же, на носовой платформе), от двух моих ещё более сильных ударов (один боковой «с подшагом» и другой – с поворотом корпуса), тоже потеряв своё оружие, молчком сорвались с края платформы и подняли целые тучи брызг – похоже, что и эти уже навоевались... Метнувшись вдоль правого бортового прохода, где, раздвинув тростниковую стену, на плот выбралось сразу два волосатых гиганта (ещё двое карабкались на корму), я отбил топорщицем, что держал в левой руке, огромную сучковатую дубину противника и, секундой позже, со всего плеча нанёс сильнейший удар с правой руки вторым своим импровизированным оружием прямо в скошенный лоб... Каннибал округлил маленькие глазки, разинул пасть, но, не издав, впрочем, ни звука, осел на плахи бортового прохода. Сильным толчком ноги сбросив его в воду, я замахнулся топорщицем на другого первобытного охотника, вынудив его вскинуть палицу для защиты, и в то же мгновение в полную силу (с лёгким проскальзыванием на опорной ноге) ударил каблуком прямо в волосатый живот. Свирепый верзила хрюкнул, выронил дубинку и согнулся пополам, но от моего следующего удара ноги (в сочетании с небольшим прыжком – насколько позволяла теснота прохода) выпрямился, с воем опрокинулся на тростниковую стенку и вывалился наружу, сломав часть бортовых перил, и в свою очередь подняв фонтан брызг. Остальные двое ещё более волосатых гигантов, вооружённых каменными топорами, уже ждали меня на кормовой платформе, не обращая никакого внимания на моего заместителя и Сергея, отступивших к противоположному краю плота (мотор продолжал работать и, кажется, «Дредноут» начал уклоняться к левому берегу) – похоже, весьма чётко понимали, кто здесь для них более опасен. Без малейшего колебания я шагнул к ним, и оба тотчас схватились за топоры уже двумя ручищами – теперь их удары было очень непросто отбить и ещё труднее остановить... Тес-

нота на кормовой платформе исключала возможность уходов в стороны и очень осложняла даже обычные уклоны, и я решился на прямолинейную атаку... Успев встретить боковым ударом ноги в верхний уровень руки противника в районе запястий, когда он только начал опускать топор, я одновременно подставил одно из топорниц и очень удачно отбросил выскользнувшее из огромных кистей оружие в сторону второго нападающего (он весьма умело отбил едва не попавший ему в голову топор). Так и не опустив окончательно правую ногу, я секундой позже нанёс жесткий удар в бедро каннибалу, остановив его, и ещё до того, как травмированная конечность стала подгибаться под ним, мгновенно развернувшись почти на месте, вторым (круговым) ударом сшиб этого волосатого гиганта с края платформы в воду и в ту же секунду уклонился от топора другого противника, также едва не сорвавшись с плота... Догнав ударом топорница, которое держал в левой руке, руки первобытного охотника в самом конце траектории, чтобы исключить очередной замах, я ударил с правой руки ему прямо по свирепой физиономии (попав по зубам). Без промедления повторил удар с левой в правое ухо и добавил с правой уже прямо в лоб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.